

Александр Михайлович
Александр Харников

ИНЫМ ПУТЕМ

Рандеву с "ВАРЯГОМ" - 4

Александр Борисович Михайловский

Александр Петрович Харников

Иным путем

Серия «Ангелы в погонах»

Серия «Рандеву с «Варягом»», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70193494*

Аннотация

Обеспечив безопасность своих рубежей на Дальнем Востоке и превратив Японию в полувассала-полусоюзника, Российская империя, будто огромный корабль по команде нового капитана, разворачивается на новый курс. Теперь все ее постоянные враги и друзья находятся на европейском театре военных действий, а потому самые современные броненосцы Тихоокеанской эскадры и лучшие корабли-призраки получают приказ перебазироваться на Балтику, совершив полукругосветное путешествие через три океана. Но прежде у острова Формоза (ныне Тайвань) случится еще одно эпохальное событие, своего рода Антицусима, которое потрясет весь мир, отправит Британскую империю в моральный нокдаун и скрепит новорожденный Континентальный альянс совместно пролитой кровью.

Содержание

Часть 13. Утро надежды	4
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Александр Михайловский, Александр Харников Иным путем

Часть 13. Утро надежды

**5 апреля (23 марта) 1904 года. Вечер.
Санкт-Петербург. Аничков дворец**

В трубе жутко завывал ветер: под вечер на Петербург внезапно налетела поздняя весенняя метель. Но люди, собравшиеся в жарко натопленной комнате, не обращали внимания на буйство погоды. Их беспокоили мысли о другой «непогоде», которая сотрясала политическую жизнь России. Все они, пусть и в разной степени, были осведомлены о той судьбе, что ожидала империю в начале двадцатого века. И все, пусть и по разным причинам, решили противостоять натиску политических бурь.

Еще в начале встречи слуги, водрузив на столы подносы с яблоками, апельсинами и ананасами, выращенными в оранжереях Царского села, а также сифоны с сельтерской водой и хрустальные бокалы, бесшумно удалились. Потом у две-

рей встали на караул два здоровенных спецназовца в пятнистой камуфляжной форме. Выставивший их на пост поручик в такой же форме прикрыл входную дверь, начисто отрезав помещение и присутствующих от внешнего мира, ведь все сказанное здесь должно было остаться в полной тайне. Императору Михаилу II, уже знакомого с ритуалами подводников из будущего, все это напомнило заdraивание люков перед погружением.

– «По местам стоять, к погружению... Задраен верхний рубочный люк», – пробормотал он сам себе так тихо, что почти никто не услышал. А кто услышал, тот не понял.

А собрались тут люди непростые... Сам Император Михаил II, Вдовствующая императрица Мария Федоровна, Великий князь Александр Михайлович, Великий князь Сергей Александрович, министр иностранных дел Дурново Петр Николаевич, министр внутренних дел фон Плеве Вячеслав Константинович, командующий Балтийским флотом и исполняющий обязанности морского министра Макаров Степан Осипович. Элита империи, члены правящей фамилии, дипломаты и силовики, люди, на которых держится Российская империя.

Но, помимо великих князей и министров, в этой комнате присутствовали другие люди, до недавних пор в этих стенах просто невозможные. Одним из них был молодой (все-го тридцать четыре года) помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов, более известный в истории под своей

партийной кличкой Ленин. Внешне он выглядел среди титулованных особ чужеродцем, но почему-то все тут признавали его почти равным себе – наверное, потому, что рядом с ним стояли еще двое. Это были пришельцы из будущего: капитан Александр Васильевич Тамбовцев и полковник Нина Викторовна Антонова.

Еще до того, как император посчитал, что пора начать заниматься тем, ради чего, собственно, все здесь собрались, вдовствующая императрица Мария Федоровна тихо подошла к Владимиру Ульянову, осторожно взяла его своей маленькой, но твердой ручкой за локоток и отвела в сторону.

– Гм... – страдая от неловкости, произнесла она, – господин Ульянов, мне, право, неудобно... Я должна сказать вам, что очень сожалею о том, что произошло с вашим старшим братом Александром. Молодой, романтически настроенный юноша, не лишенный способностей, подающий надежды, и вот – попал в дурную компанию. Он совершенно не заслуживал смертной казни, тем более там, кажется, была еще и провокация полиции...

Тут вдовствующая императрица непроизвольно покосилась на стоящего тут же, поблизости, Петра Дурново, который в свою бытность директором департамента полиции и занимался делом «Второго Первого марта». Это покушение на цареубийство могло быть раскрыто на самой ранней стадии, только если бы его организацией занимались сами полицейские. Провокация – обычный прием в таких случаях.

Кому-то новые чины, благодарности, ордена и медали, а кому-то – пеньковая петля.

– Я понимаю, – продолжила она, – каторга, ссылка... ну, я не знаю... крепость. Но не смерть. Ваш же брат был настолько упрям, что не захотел просить о помиловании. Мой супруг был готов помиловать его, но только при условии его искреннего христианского раскаянья. Мне очень жаль, что оно так и не посетило его душу.

Мария Федоровна посмотрела на насупившегося Ильича и погладила его по руке.

– Будьте любезны, передайте вашей матушке, Марии Александровне, что я искренне скорблю по ее сыну, так же, как по своему сыну, недавно убитому. Да и не только по нему одному. Ведь Господь уже забрал у меня трех детей. И я понимаю ее чувства.

Услышав это Ульянов, застыл на месте, словно пораженный ударом молнии. Уж чего-чего, а этого он никак не ожидал от этой гордой и красивой, несмотря на свои годы, женщины. Мать императора просила у него и его матушки извинения за смерти любимого старшего брата. Да, Ильич знал, что связавшийся с террористами Александр Ильич был далеко не агнцем, и если бы ему не помешали, то они, не дрогнув, убили бы и царя и царицу и всех их детей... Но что случилось, то случилось. Мертвых не вернешь с того света. Убийства же влекут за собой казни, а те – новые убийства. И так до бесконечности.

Ильич вспомнил, что, когда он узнал о казни старшего брата, то сказал матери, что террор – это тупик. Он пришел к этой мысли самостоятельно, и решил пойти в революцию другим путем...

Потом к нему в Женеве пришли люди из будущего. Эта странная девица Ирина Андреева, поручик Бесоев и товарищ Коба. Они доказали ему, что и другой путь далеко не безупречен. Может, он и не связан с индивидуальным террором, но следование ему ведет к такому массовому террору и братоубийственной гражданской войне, которые и в страшном сне не приснятся никакому самому отпетому террористу.

Именно тогда он и решился принять сделанное ему предложение и попробовать пойти еще одним путем... И Вдовствующая императрица, которая извинилась перед ним за случившееся с его братом, наглядно доказала, что, возможно, существует этот самый иной путь, который, пожалуй, и есть самый верный.

– Ваше величество, – сказал Ильич, как только мысли его пришли в порядок, – могу вас заверить, что я всегда был противником любого террора, и отлично понимаю, что бессмысленно пролитой кровью можно вызвать только еще большую кровь. Да, я был сторонником свержения самодержавия. Но не путем террора, а в результате политической борьбы. Когда же я узнал, что в России наших потомков это уже произошло, а также какими силами было инициировано это вос-

стание и какие люди пришли затем к власти, и к чему все это привело, то пришел в ужас. Самым же трудным для меня было узнать, что Коба, мой товарищ по партии, большевик-революционер, уже после победы нашей революции естественным путем приобрел в России власть, с которой не сравнится власть любого из императоров. Добило же меня известие еще про одного человека, моего тезку из далекого будущего, который в похожей ситуации вынужденно сделал фактически то же самое при совершенно иной, буржуазной общественной формации. А потом я вспомнил про самого первого Романова (кстати, тоже Михаила), ставшего царем после завершения Смуты. И в семнадцатом веке все проходило точно по тем же законам, как и в середине двадцатого, и начале двадцать первого. Я ведь, Ваше величество, все же достаточно образованный человек, не слесарь и не еврейский хлеботорговец, и хорошо вижу отличие нелепых случайностей от исторической закономерности.

Императрица утвердительно кивнула.

– Значит, решил я, самодержавная империя – это естественная форма государственного устройства России, – Ильич тяжело вздохнул. – Ну а я не Дон Кихот, чтобы воевать с ветряными мельницами. Поэтому я и принял предложение, или, если хотите, просьбу, вашего младшего сына помочь ему устроить в России истинно народную монархию, где все могли бы жить в гармонии и достатке. Можете быть уверены, Ваше величество: если империя обратит внимание

на нужды и чаяния простого народа, крестьян и рабочих, и будет улучшать их положение, то я, со своей стороны, буду помогать всем, чем смогу. Я выполню вашу просьбу и передам моей матушке ваши искренние соболезнования, а также попрошу Марию Александровну, чтобы и она помолилась об умерших ваших сыновьях.

– Очень хорошо, – кивнула Мария Федоровна, – теперь я вижу, что вы действительно один из умнейших людей России, и от этого еще больше сожалею о вашем брате, в лице которого мы все потеряли талантливую ученого или способного администратора. Мне кажется, что разбрасываться такими людьми – недопустимая роскошь.

– Мне тоже очень жаль, что так все получилось, Ваше величество, – склонил лысеющую голову Ильич, – но, кажется, Государь, ваш младший сын, хочет нам сейчас что-то сказать... Похоже, все уже начинается.

Вдовствующая императрица с любовью и нежностью посмотрела на своего младшего сына. Правда, ее маленького Мишкина теперь уже было не узнать. В Порт-Артур из Петербурга уехал шалопай и повеса, типичный гвардеец, чьи интересы не поднимались выше очередного загула в офицерском собрании или конных соревнований. С войны же вернулся волевой закаленный боец, побывавший на краю смерти. Но при этом он все равно остался ее любимым Мишкиным и родным сыночком, которого (да простит ее на небесах бедный Ники) она любила больше остальных.

Мария Федоровна вспомнила, как она увидела его на вокзале, возмужавшего, раздавшегося в плечах и ставшего даже чем-то похожим на ее покойного мужа. Прихрамывая, он подошел к ней и обнял, прижав к груди, сказав при этом: «Здравствуй мамА. Я вернулся, и теперь у нас все будет хорошо...» В тот момент она подумала, что и императрица может испытывать те же чувства, что и простая русская крестьянка, у которой вернулся с фронта сын, пусть и раненый, но живой и не искалеченный.

Утерев непрошенную слезу, Вдовствующая императрица гордо вскинула голову, и приготовилась слушать то, что скажет сейчас ее повзрослевший и возмужавший сын.

Император был одет в такую же униформу, что и стоящие у дверей спецназовцы, разве что без бронежилета и разгрузки. На плечах – золотые полковничьи погоны, на груди – белый крестик ордена Святого Великомученика и Георгия Победоносца 4-й степени, над карманом – непонятный золотой галун. Вроде бы это был тот самый Михаил Романов младший, сын императора Александра III, шалопут и гуляка, который около двух месяцев назад со смехом с шутками отправился на войну с японцами. Однако теперь что-то в нем необратимо изменилось.

Того Михаила уже не было. Перед присутствующими стоял новый монарх, не похожий на того, старого Мишкина, и потому вызывающий удивление и даже легкий страх. Только капитан Тамбовцев и полковник Антонова понял, каких

именно исторических персонажей, один из которых еще не родился, Михаил выбрал себе в качестве образца для подражания. Для остальных же было ясно одно: новый император Михаил Второй совсем не похож на своего погибшего брата. Такой император не будет страдать рефлексией, и строго покарает всех, кто окажется причастным к убийству его предшественника и к попытке мятежа. И тут не помогут ни титулы, не семейные связи, ни богатство. Такой император, приняв от брата патриархальную крестьянскую страну, железной рукой станет добиваться, чтобы она превратилась в крупнейшую индустриальную державу мира.

Присутствующие видели, что представляет собой новый царь: служить с ним будет трудно, но... но в то же время ЭТОТ император не даст в обиду ни свою страну, ни свой народ (С Петром Великим его соратникам тоже было нелегко). Но они понимали, что творят историю, и потому готовы были на все ради блага России. Михаил теперь чем-то смахивал на Петра Алексеевича, и в душе присутствующие решились, что с новым императором Россия станет еще сильнее и богаче.

Все понимали, что сейчас прозвучат исторические слова, которые изменят жизнь миллионов людей, и без того уже взбаламученное течение мировой политики. Лишь вдовствующая императрица видела в этом человеке не нового властелина России, а своего младшего сына, предмет ее гордости и отрады.

– Господа, – голос Михаила был негромким, но все присутствующие невольно вздрогнули и стали внимательно прислушиваться, – я хочу поблагодарить вас за все то, что вы уже сделали для России. Я хочу, чтобы вы осознали, что с вероломным нападением японского флота на нашу Тихоокеанскую эскадру Россия вступила в великий и ужасный двадцатый век – век жестокий, грозный, где борьба за лидерство в мире будет вестись не на жизнь, а на смерть. Именно нам с вами предстоит в самое ближайшее время приложить титанические усилия, чтобы неумолимый ход истории снова не привел Россию на ее Голгофу и не поставил вопрос о самом ее существовании. Но должен сказать: мы с вами уже немало сделали для того, чтобы история пошла по другому пути...

Император посмотрел на министра иностранных дел.

– В первую очередь, я должен поблагодарить вас, Петр Николаевич, за ту огромную работу, которую вы проделали для заключения русско-германского альянса и Балтийского союза. Но не стоит забывать и то, что все наши европейские партнеры, вступая с нами в отношения, преследуют лишь свои интересы. В общем, ничего неожиданного. Такова жизнь, и все государства в первую очередь преследуют свои личные цели. Возможность в будущем возникновения военного конфликта между Россией и Германией не исключена, а лишь отсрочена на неопределенное время. Император Вильгельм, который, кстати, весьма непостоянен в своих симпатиях и антипатиях, когда-нибудь сойдет со сцены. А

на смену ему, вероятно, придут люди с совсем другими политическими установками. Не секрет, что в настоящий момент главным интересом Германии является повторный разгром Франции и захват ее колониальных владений. Как только эта цель будет достигнута, взор германских политиков может снова обратиться на восток, в сторону России. А посему все, что нам сейчас нужно от немцев – это четверть века спокойствия на границе, помощь в обучении технического персонала, да поставки станков и оборудования для переоснащения нашей промышленности. При вашем министерстве, Петр Николаевич, необходимо создать специальный департамент по централизованному осуществлению внешнеторговой деятельности. Имейте в виду, что с нарастанием объемов работы данный департамент может быть выделен в отдельное министерство. Так что заранее приищите для него руководителя поспособнее, чтобы потом не менять коней на переправе.

Петр Николаевич Дурново молча кивнул. А император перевел взгляд на адмирала Макарова.

– Вы, Степан Осипович, должны приложить все усилия для обороны Балтийского моря от любого внешнего вторжения. Но главным в вашей работе будет не это. Основная ваша цель в настоящий момент – проведения изысканий в районе Мурмана. Насколько я понимаю, порт Александровск был заложен в Екатерининской бухте на левом берегу Кольского залива, в то время как будущий Мурманск и

будущая база Северного флота Североморск располагались на правом берегу. Связано это было с тем, что именно на правый берег пришла железная дорога, без которой невозможно существование сколь-нибудь развитого портового хозяйства. Необходимо выяснить, произошло ли это из-за каких-то природных особенностей берега, или же в дело вмешался пресловутый человеческий фактор, и довести железную дорогу до Александровска вполне возможно. Не хотелось бы на пустом месте строить город рядом с уже построенным. На вас, Степан Осипович, ложится организация гидрографической и геодезической экспедиций к Кольскому заливу, дабы решить этот вопрос на месте и приготовить обоснования для постройки этой самой железной дороги. Как только уляжется вся эта суета с Датскими проливами, вы получите чин полного адмирала и будете назначены Наместником Севера с самыми широкими полномочиями...

Император задумался и снова посмотрел на министра иностранных дел.

– Петр Николаевич, я хотел бы, чтобы вы провели в Кристиании переговоры об аренде их прибрежной территории, с севера примыкающей к Великому княжеству Финляндскому. Скажем, на срок девяносто девять лет. И надо ускорить закрепление нашего суверенитета над Грумантом. База в Кольском заливе, будущая столица Русского Заполярья, должна находиться в глубоком тылу по отношению к нашим передовым позициям. У меня нет желания тратить силы и

средства на укрепление Архангельска и его окрестностей, который был, есть и будет главным центром нашей лесной промышленности на севере. Но не более того.

Император снова посмотрел на адмирала Макарова.

– Степан Осипович, под вашей властью будут огромные территории – от Тромсё на западе до устья Енисея на востоке. От вас, как от Наместника Севера, потребуется наладить транспортную коммуникацию с Центральной Россией путем постройки железной дороги – это раз. Организовать в Кольском заливе промышленный, судостроительный и судоремонтный центр – это два. Надо создать систему базирования для нашего будущего Северного Арктического флота – это три. Кроме того, совместно с соответствующими министерствами вам надо будет организовать в Баренцевом море промышленный лов рыбы и ее доставку в мороженном и консервированном виде в Центральную Россию – это четыре. Необходимо срочно провести разведку на подведомственной вам территории всех имеющихся там видов полезных ископаемых – это пять. Ну и не следует забывать об исконных жителях тех краев. Развитие, духовное окормление и охрана от всяческого рода хищников и хапуг, а также спасения представителей местного самоедского населения тоже будет вашей обязанностью как Наместника. Развратить малых сих крайне легко, а вернуть им человеческий облик почти невозможно. Справитесь, Степан Осипович?

По мере перечисления задач лицо Макарова вытягива-

лось. Но старого вояку трудно было напугать. Выслушав императора, он только взмахнул своей знаменитой бородой, словно орел крылом, и четко отрапортовал:

– Так точно, Ваше величество, справлюсь!

– Вот и отлично, – сказал император и посмотрел на своего дядю, Великого князя Сергея Александровича. – К вам, дядюшка, у меня будет особое задание. Оно и простое, и одновременно сложное. Вы ведь председатель Императорского Православного Палестинского Общества?

Великий князь кивнул, и император продолжил:

– Так вот, дядюшка, получилось так, что в настоящий момент у России в Палестине фактически нет людей, которые освещали бы обстановку в этом крайне важном для нас регионе. После того, как мы, с Божьей помощью, получили помощь из будущего и на ближайшее время решили свои дальневосточные проблемы, следует обратить внимание на наши южные рубежи. К тому же, раз уж война в Европе откладывается, то стоит подумать и о Черноморских проливах, и о Святой земле. Надо, чтобы под эгидой Императорского Православного Палестинского общества, совмещая богоугодную деятельность с разведывательной, там начали работу люди, которые бы не только составили достоверные карты тех мест, но и наладили хорошие отношения с местными жителями. Возможно, что со временем там появятся наши войска и наш флот. Не вечно же там распорядиться британцам. Необходимых для этого специалистов вам предоставят. Вашей же за-

дачей будет организация им «крыши» и обеспечение общее руководство. И все это – без отрыва от вашей основной деятельности в качестве Петербургского генерал-губернатора. Справитесь?

Великий князь Сергей Александрович вспомнил в этот момент себя, двадцатилетнего офицера кавалергарда, прибывшего на фронт в Рушукский отряд, которым командовал его старший брат, Великий князь Александр Александрович – будущий император Александр III, отец стоящего сейчас перед ним нового русского царя. Именно тогда за участие в конной разведке, под огнем турецких аскеров, он заработал такой же белый крестик, что сейчас был приколот к мундиру его венценосного племянника. Поэтому Сергей Александрович прекрасно понимал, как нужны во время войны достоверные разведданные, и, ни минуты не колебался.

Он осмотрел на Михаила и сказал:

– Да, Ваше величество, я готов сделать все, чтобы в Палестине у России были везде свои люди, и чтобы мы знали все, что там происходит.

– Вот и замечательно, – кивнул император, – для уточнения деталей я попрошу вас связаться с полковником Антоновой. Она окажет вам всю необходимую помощь в организации Справочно-информационной службы вашего общества.

Закончив разговор с дядей, Михаил повернулся к министру Внутренних Дел фон Плеве.

– От вас, Вячеслав Константинович, – сказал он, – в са-

мое ближайшее время я жду самого полного и скорого отчета по расследованию дела об убийстве моего брата и попытки мятежа. Все виновные, невзирая на пол, возраст, лица, чины, ранги и титулы, будут осуждены и приговорены к смертной казни или бессрочной каторге с лишением всех прав состояния. Закон в Империи должен быть единым для всех. Также необходимо подвергнуть уголовному преследованию всех сотрудников департамента полиции, охранного отделения и жандармов, вступивших в преступные сношения с террористами, покрывающих их и оказывавших им содействие. Надобно снова провести проверку старых дел, связанных с убийствами или покушениями на убийства высших чинов Империи. Всех, чья вина в совершении этих преступлений будет доказана, требуется отдать под суд. И террорист, и тот, кто способствовал его преступной деятельности, должны болтаться рядом на одной виселице.

Император посмотрел на капитана Тамбовцева.

– Александр Васильевич, я попрошу вас оказать Вячеславу Константиновичу всю необходимую помощь, а также усилить охрану всех главных должностных лиц империи по особому списку. Список лиц, подлежащих особой охране, мы с вами согласуем чуть позже.

– Я понял, Ваше величество, – ответил капитан Тамбовцев, – сделаем.

– Ну, вот и хорошо, товарищ Тамбовцев, – с особым подтекстом произнес император Михаил и перевел свой взгляд

на человека, которому в этой истории, кажется, так и не придется стать вождем мирового пролетариата.

– С вами, господин Ульянов, – сказал он, – мы уже один раз беседовали. Сюда я вас пригласил лишь для того, чтобы повторить сказанное тогда при всех. Господа, мы не можем строить свое будущее, оставляя наш народ духовной и материальной нищете. Если мы не хотим, чтобы рано или поздно разразился бунт, который сметет и власть и саму монархию, мы должны научиться думать об Империи как об одной многомиллионной семье, где каждый работает в меру своих сил над общим процветанием, и каждый имеет долю от общих богатств...

Император повернулся к министру внутренних дел.

– Поэтому, Вячеслав Константинович, я попрошу доставить в Петербург всех арестованных и осужденных соратников господина Ульянова по партии, содержащихся в тюрьмах и в местах ссылки. Те из них кто, согласится с нами сотрудничать, должны получить полную амнистию. Необходимо разрешить издание газет соответствующего направления, предупредив господ издателей, что допустимо печатать все, кроме прямой лжи и призывов к свержению существующей власти. Все изложенные в газетах факты о преступлениях и правонарушениях должностных лиц и промышленников следует немедленно проверять. В случае, если информация подтвердится, надо вмешаться служителям Фемиды. Суд должен быть скорым и справедливым. Или мы справим-

ся с чиновничьей гидрой, или эта гидра раздавит нас. Недопустимым должно стать любое мздоимство, казнокрадство и издевательство над подданными Российской империи. Мы с господином Ульяновым еще будем работать над этим вопросом.

– Теперь ты, Сандро, – Михаил посмотрел на Великого князя Александра Михайловича, слегка ошалевшего от всего услышанного. – Для тебя я приготовил самое сложное и самое интересное дело. Так уж получилось, что ты в числе немногих оказался посвященным во все подробности известного тебе происшествия, и, в отличие от меня, имеешь склонность ко всякого рода технике. Тебе придется стать моей правой рукой, сиречь Председателем кабинета министров. Должность эта будет наполнена реальной властью, и подчиняться ты будешь исключительно мне и никому более. В то время как я буду заниматься армией, военным флотом, разведкой, полицией и другими силовыми ведомствами, ты будешь строить для нашей России финансово-экономический фундамент. Задача сложная, но я думаю, ты с ней справишься.

Михаил закончил разговор на оптимистической ноте:

– На сегодня все, господа. Мама, с твоего разрешения, я загляну к тебе попозже. На этом все свободны. А Великого князя Александра Михайловича и полковника Антонову я попрошу остаться.

Тогда же и там же, несколько минут спустя

– Ну, Нина Викторовна, что скажете? И ты, Сандро? – устало спросил Михаил, когда за последним из его гостей закрылась дверь.

– В каком смысле, Ваше величество? – переспросила полковник Антонова, а Великий князь Александр Михайлович только пожал плечами.

– Как вы считаете, сумел ли я произвести нужное впечатление хотя бы на своих ближайших соратников? – спросил император. – Ведь, если я не ошибаюсь, то моего брата в вашем мире затравили именно по той причине, что он не мог представить себя перед публикой в нужном свете. Если я не доскажу чего-то газетчикам, все недосказанное будет потом заменено злонамеренным вымыслом, а публика с удовольствием этот вымысел примет. И еще добавки попросит. Ведь тот, кто платит репортерам, требует от них подать читателям материал в той интерпретации, какая нужна заказчикам.

Полковник Антонова улыбнулась.

– Bravo, Ваше величество, хорошо сказано! Тем более что вы сами обо всем этом догадались. Поэтому вам необходима грамотная информационно-пропагандистская кампания.

– И это тоже, – вздохнул молодой император. – Как я понимаю, по этому вопросу мне лучше посоветоваться с очаровательной Ириной Андреевой?

– Именно, – согласилась Нина Викторовна, – да и с Александром Васильевичем Тамбовцевым вам тоже об этом поговорить не помешает. Ну а что сделать с цензурой? С одной стороны, она не должна «держаться и не пущать», а с другой стороны, нельзя, чтобы надзирающие органы были добренькими и беззубыми. Нужно принять что-то вроде закона о клевете, по которому суд наказывал бы клеветника – как рублем, так и реальным лишением свободы.

Великий князь Александр Михайлович хотел было что-то сказать, но император сделал ему знак помолчать, и снова спросил полковника Антонову:

– Нина Викторовна, а если оклеветанными оказались царственная особа или сама Российская империя как государство?

Полковник Антонова ответила:

– В случае, если клеветниками выступали российские подданные, то их, несомненно, нужно считать изменниками. То же должно относиться и к клевете на Государя императора, как на главу государства. В случае если он был оклеветан как частное лицо, клеветника нужно судить за клевету на частное лицо.

– Нина Викторовна, вы и в самом деле так считаете? – спросил император.

– Да, – кивнула та, – я действительно так считаю. Если, конечно, вы действительно не хотите повторять ошибки вашего несчастного брата. Государство будет стоять прочно,

если в нем никто не будет путать личные интересы с государственными.

– Возможно, это действительно так, – кивнул Михаил, – я запомню этот разговор, и мы обязательно вернемся к нему. В ближайшее время я собираюсь провести то, что в ваше время называлось пресс-конференцией, и в процессе подготовки мы еще раз все обсудим. Как вам это предложение?

Антонова задумалась.

– Если вы о пресс-конференции, то при правильном подготовке к ней и умелом ее проведении она может иметь ошеломляющий эффект. В ваше время сие мероприятие – нечто совершенно новое, не имеющее аналогов. Что же касается советов, то, как я уже говорила, о том, как все лучше сделать, вам лучше посоветоваться с Ириной Андреевой и Александром Васильевичем Тамбовцевым.

– Отлично, – сказал Михаил, – но сейчас я хочу поговорить с вами о другом... Сандро, с сегодняшнего дня ты становишься председателем Правительства Российской империи. Себе я оставляю общий контроль, Военное и Морское министерства, иностранные дела, МВД и госбезопасность. Все остальное – твое. Работы у нас будет так много, что ее придется делить не на двоих, а на пятерых. Но еще трех таких, как ты, Сандро, у меня нет. Постарайся поскорее определить, кто из министров тебе будет нужен, а с кем лучше попрощаться, вежливо или не очень. Наибольшее беспокойство среди подчиненных тебе министерств у меня вызыва-

ет министерство финансов. Пусть Витте и прячется от нас в Америке, но его дух витает среди стен, где он так долго властвовал. Придуманные им «кредиты на плавания» и «вооруженный резерв» чуть было не довели наш флот до поражения в войне с японцами.

Михаил скрипнул от злости зубами.

– У меня огромное желание взыскать лично с господ Коковцова и Плеске стоимость ремонта «Цесаревича», «Ретвизана», «Паллады», «Варяга», а также пожизненное вспомоществование семьям погибших моряков. Удерживает меня от этого шага только то, что господин Плеске доживает последние дни, а господин Коковцов находится под подозрением в причастности к заговору, в результате которого был убит мой брат. Больше деяние всегда поглощает меньшее, так что не будем торопиться. Хотя я слышал, что господин Коковцев хороший специалист в области финансов. Посмотрим, что покажет следствие. Если виновен – накажем, если нет – найдем для него работу. И еще я повелю отлить большими буквами в бронзе и укрепить на фасаде здания министерства финансов известную народную мудрость: «Скупой платит дважды». – Император вздохнул. – Но, это, конечно, пока не самое важное. Хотя стоит сделать из всего произошедшего определенные выводы. Недопустимо, когда государством управляет бухгалтер. А при Витте так и было. Мой несчастный брат фактически самоустранился от решения важнейших вопросов, передав их на откуп фактически

случайным людям. При мне такого не будет. Так что, Сандро, предварительный доклад по новому Кабинету министров я жду от тебя сразу после Пасхи, ну, скажем, в среду с утра. Сразу скажу: экзаменовывать тебя я буду не один, так что продумай все до мелочей.

Михаил посмотрел на полковника Антонову.

– Теперь давайте решим ваш вопрос, уважаемая Нина Викторовна. Я знаю, что в вашем времени вы – полковник Службы Внешней разведки. За заслуги, оказанные Российской Империи в ходе расследования заговора против моего брата, спасения жизни моей матушки, подавления мятежа я хочу поздравить вас с новым чином, сделав вас, Нина Викторовна, Свиты Его Величества генерал-майором. Также вы награждаетесь орденом Белого Орла с мечами. Скажу, что это один из высших орденов Российской империи, и им награждаются чины не ниже четвертого класса Табели о рангах. И не зря девиз этого ордена: «Pro Fide, Rege et Lege (За Веру, Царя и Закон)». Знак этого ордена носится на шее на ленте, а сам орден – у правого бедра на темно-синей муаровой ленте через левое плечо.

Император открыл секретер и достал оттуда коробочку со знаком ордена, звезды и ленту ордена.

– Вот, вручаю вам заслуженную награду. Прошу простить, что награждаю, так сказать, кулуарно, не в торжественной обстановке. Да, и еще: я предлагаю вам с завтрашнего дня приступить к выполнению обязанностей начальника моей

личной канцелярии. Я рассчитываю, что вы поможете мне разобраться в тех людях, которые окружал моего брата. Умных и полезных надо оставить, заслуженных, но ветхих годами и хворых, от которых уже мало пользы, но которых не след обижать – отправить с почетом в отставку. Ну, нечистых на руку и мздоимцев выгнать вон. Я думаю, вы меня поняли. Не спеша, но и излишне не мешкая, мы должны определить каждому государственному сановнику такое место, на котором он сможет принести максимум пользы и минимум вреда. Что же касается ваших товарищей, а также сотрудников департамента полиции и жандармского управления, которые вместе с вами, Нина Викторовна, активно приняли участие в событиях «третьего первого марта»... я попрошу вас и господина фон Плеве подготовить списки для их награждения. Не будут забыты также и ваша Ирина Андреева, и поручик Бесоев, и капитан Тамбовцев, и даже бывший смутьян и революционер Иосиф Джугашвили, которые тоже рисковали жизнью во имя Российской империи.

Михаил перевел дух, и улыбнулся.

– Теперь господа, последний и тоже очень важный вопрос... Но сначала, Нина Викторовна, я хочу спросить вас – вы православная?

– Да, Ваше величество, – сказала Антонова. – Хотя в церкви случается бывать нечасто.

Молодой Император облегченно вздохнул.

– Тогда я и моя невеста Масако просим вас стать ее вос-

приемницей. Ну, в общем, крестной матерью. А тебя, Сандро, соответственно, крестным отцом. Крещение состоится в соборе Спаса Нерукотворного Образа Зимнего дворца в среду, марта тридцать первого числа сего года. Учитывая, что в стране еще не закончился траур по моему бедному брату, все пройдет скромно, в присутствии лишь самых близких. Вам, Нина Викторовна, надлежит быть в соборе в мундире свитского генерала, со всеми орденами и регалиями. Я распоряжусь, чтобы вам построили мундир у моего портного Николая Ивановича Норденштрема. Ну, а ты, Сандро, должен надеть свой мундир контр-адмирала флота. На этом, господа, я бы хотел с вами попрощаться. Всего вам доброго...

5 апреля (23 марта) 1904 года. Около полуночи

**Санкт-Петербург. Аничков дворец,
Покои Вдовствующей императрицы**

*Император Михаил II и Вдовствующая
императрица Мария Федоровна*

Мать всхлипывала, прижавшись к груди своего младшего сына. Эта умная, гордая женщина, за особенности характе-

ра прозванная современниками «Гневной», впервые со дня смерти мужа почувствовала, что в Доме Романовых снова появился настоящий мужчина, хозяин, и она снова может побыть обыкновенной слабой женщиной. Николай, несмотря на свое старшинство, на роль настоящего мужчины не годился. Не его это было, совсем не его.

Теперь от погибшего императора Николая остались четыре сироты-дочери с ядом гемофилии в крови, несколько поврежденная рассудком вдова, для которой Ники «только недавно вышел и вот-вот вернется», а также огромная страна, которую, пока еще не поздно, надо было разворачивать на новый курс. Вдовствующая императрица оплакивала сиротство внучек и безумие невестки, а так же тот факт, что ее младшему сыну теперь предстоит каторжный труд во имя России.

Выплакавшись, Мария Федоровна успокоилась и вытерла платочком глаза.

– Ты повзрослел, Мишкин, – сказала она, еще раз оглядывая императора с ног до головы, – мне говорили, а я не верила. Скажи мне, своей матери, что же будет дальше?

– Думаю, что все будет хорошо, Мама, – сказал император, опускаясь в кресло, – извини, я устал сегодня, как конь после скачек. И нога еще побаливает. У нас вполне есть шанс успеть решить все наши проблемы и сохранить в целостности и страну, и династию. Жить, правда, придется скромнее, и трудиться, как говорил мой прадед, император Николай I,

подобно рабам на галерах. Но нам же к скромности не привыкать, правда? Да и к трудам тоже. Я ведь рассчитываю не только на себя, Сандро и наших помощников из будущего, но и на свою мать, в прошлом датскую принцессу Дагмару, умницу и красавицу.

– Мишкин, – улыбнулась Мария Федоровна, садясь в соседнее кресло, – а, ты, оказывается, научился говорить умные комплименты дамам.

– Мама, – с легким поклоном ответил император, – это не комплимент, а всего лишь констатация факта. Я представляю, как вас всех шокировала моя предстоящая женитьба на японской принцессе. Но я ценю, что не услышал от тебя ни слова против. Масако-Мария совсем еще наивная девочка, к тому же попавшая в чужую для себя страну, и по отношению к ней я во многом чувствую себя не столько женихом, сколько старшим братом.

– Мишкин, – задумчиво сказала Вдовствующая императрица, – а так ли уж нужна была эта женитьба на японской принцессе?

– Нужна, Мама, очень нужна, – ответил Михаил. – Во-первых, в европейских королевских домах давно нарушен запрет жениться и выходить замуж за родственников, и там сейчас сплошь и рядом сочетаются браками с кузинами. Мой дедушка и твой отец, король датский Кристиан IX, не зря имел прозвище «Европейского тестя». Кровь Глюксбургов течет в жилах у большинства монархов Европы. Да и другие

наши предки, начиная с Петра Великого, брали в жены исключительно европейских принцесс. Все это ведет к вырождению. Мама, обрати внимание, сколько среди европейских монархов и их наследников больных и умственно неполноценных. Я хочу, чтобы мои дети были умные и здоровые. Так что, Мама, женись на Масако, я, с одной стороны, с точностью исполняю букву всех имеющихся на этот счет постановлений Закона о престолонаследии, а с другой стороны, буду думать над разумным изменением правил, чтобы потом моим потомкам не пришлось искать себе законную пару среди балерин и купчих.

– Ох, Мишкин, – тяжело вздохнула Мария Федоровна, – неужели все так безнадежно?

– Не знаю, Мама, – пожал плечами император, – но посоветовавшись со знающими людьми, я склонен считать, что деградация европейских монархий и переход ко всякого рода демократиям имеет в основном причиной именно биологическое вырождение правящих классов, погрязших в лени и разврате. Именно так, и никак иначе. Нам тоже надо будет что-то делать с нашим дворянством, подавляющее большинство которого в принципе не желает служить или заниматься чем-либо полезным. Указ «о вольности дворянской» следует отменить. Он подтачивает и разлагает саму основу российской государственности. Мне очень этого не хочется, но, похоже, исходя из государственных интересов, придется превратить всех дворян-бездельников в мещан. Конечно,

сделать это можно будет только тогда, когда власть моя укрепится, а из всех преданно служащих будет создана опора трону. Но сделать это надо обязательно.

– Это же жестоко, Мишкин, – укоризненно сказала Мария Федоровна. – Эти люди не сделали тебе ничего плохого.

– Но и хорошего тоже, – парировал император. – Россия не может быстро развиваться, и при этом кормить два миллиона бездельников. Ревизия положения дел в Дворянском банке – это будет одно из первоочередных моих поручений Сандро. Кто кому и сколько должен, какое имущество в залоге и какова платежеспособность заемщика. И все это – раздельно по состоящим или состоявшим на государственной службе и бездельникам, мотыльками, порхавшим между Ниццами и Баден-Баденами. За все надо платить, Мама.

– Не знаю, – печально вздохнула вдовствующая императрица, – наверное, ты прав. Но это значит, что придется резать по живому.

– Хирург, Мама, бывает, тоже режет по живому, – ответил император, – но тем самым он спасает жизнь больного. Если он бессилен или не успел, то вслед за ним приходит паталогоанатом, который начинает резать уже по мертвому, составляя посмертный эпикриз. Я видел такую бумажку, объясняющую причины гибели Российской империи, и в этот раз всеми силами хочу избежать летального исхода. Добрый Ники тогда и сам с семьей погиб, и двадцать миллионов своих подданных отправились вслед за ним на тот свет. Ты меня

понимаешь, Мама?

– Да, Мишкин, понимаю, – вздохнула Мария Федоровна. – В случае крайней необходимости император должен проявлять твердость, жертвуя чем-то частным ради блага России и ее народа. Сын мой, знай, что ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

– Я знал, что ты меня поддержишь, Мама, – ответил Михаил. – И еще. Унаследовав от Ники императорский трон, я не отказался от этого брака. И на это есть и вторая, политическая причина. Было бы крайне полезно через соплеменников моей будущей жены привить нашему служилому сословию хотя бы частичку самурайского духа, когда «долг тяжелее горы, а смерть легче перышка». Слепой фатализм нам, конечно, противен, но вызывает уважение то, как японские моряки шли на бой против кораблей-демонов с заранее предсказуемым результатом. По мирному договору Япония лишена права содержать военный флот и значительную сухопутную армию. После моей свадьбы я планирую пригласить всех желающих на русскую службу, с сохранением чина и без ограничений в карьере. Учитывая разницу в численности русского и японского населения, наше служилое дворянство растворит в себе самураев не больше, чем за два-три поколения. Нам нужны эти люди, их наследственное упрямство перед лицом безжалостных стихий, их отвага и чувство долга. Обращение в православие смягчит эти качества, удалит ненужную жестокость, после чего все вместе мы станем

еще сильнее.

– Наверное, ты прав, Мишкин, – немного помолчав, сказала Мария Федоровна, – но чем я тебе могу помочь?

– Мама, – сказал император, – я попрошу тебя отнестись к Масако как к еще одной родной дочери. Девочке надо дать возможность как можно быстрее освоиться в русской среде. Кроме того, я рассчитываю на твою помощь в деле налаживания с Данией неформальных контактов. Да, именно так. Это дело воистину государственной важности.

Я не зря предупреждал всех, что наш союз с Германией может оказаться недолговечным. Мы должны всегда помнить о том, что могут дружить люди, но не государства. Тут свои правила игры. Но для тебя я скажу следующее. Постарайся конфиденциально сообщить своему отцу, а моему деду, королю Дании, что в случае возможного германо-датского конфликта я, твой сын, поддержку не союзную нам сейчас Германию, а родину моей матушки. Для успешного противостояния любому вторжению, будь то нападение британского флота или агрессия со стороны южного соседа, мы должны помочь нашим датским родственникам удержать под своим контролем хотя бы остров Зеландия, включая и столицу королевства. А для этого нам необходимо получить землю под базы и береговые батареи. Все должно быть оговорено тайно, без утечек информации. Ты справишься, Мама, с этим? Ведь дело сие, как говорит наш новый знакомый, господин Ульянов, архинужное и архиважное.

– Да, Мишкин, – кивнула Мария Федоровна, – я справлюсь.

– Ну, вот и хорошо, – сказал император, – я на тебя надеюсь, Мама, ты у меня самая лучшая и самая умная на свете.

– Спасибо на добром слове, сын, – кивнула вдовствующая императрица, и в уголке ее глаз что-то блеснуло.

– Всегда буду счастлив порадовать тебя, Мама, – сказал Михаил, вставая. – Позвольте пожелать Вам, Ваше величество, спокойной ночи, и разрешите откланяться. Уже поздно, а завтра у меня будет еще один тяжелый день.

06 апреля (24 марта) 1904 года. Утро. Санкт-Петербург. «Новая Голландия». Главное Управление Государственной Безопасности

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич

– Доброе утро, Владимир Ильич, – я пожал руку несостоявшемуся вождю мирового пролетариата. – Как вам спалось на новом месте?

– Неплохо, неплохо, – потер руки Ильич, – у вас тут неплохие апартаменты, ничуть не хуже европейских гостиниц.

Дело в том, что когда «Новую Голландию» готовили к размещению нашего ведомства, с господами Плеве и Ширин-

киным, заранее оговаривалось, что в ней будут предусмотрены места для проживания на территории острова особо охраняемых персон, при этом не являющихся арестантами. Разной степени комфортности камеры для таких клиентов, как Азеф, Гапон, Лопухин, располагаются в подвале и полуподвале, а на верхних этажах находятся рабочие кабинеты сотрудников ведомства и «квартиры» особо охраняемых «гостей». Именно там во время мятежа укрывалась Великая княгиня Ксения Александровна с детьми, и именно там, помимо четы Ульяновых, квартировали сейчас полковник Зубатов, инженер Тринклер, Иосиф Джугашвили и прочие, как говорят в таких случаях, официальные лица.

– Очень приятно это слышать, Владимир Ильич, – сказал я, – должен заметить, что во время мятежа в ваших нынешних комнатах проживали старшие сыновья Великого Князя Александра Михайловича. Так что делайте выводы.

– Неужели? – живо переспросил Владимир Ильич, оглядываясь в моем кабинете, и тут же резко сменил тему. – А у вас тут необычно. Приходилось в бытность мою помощником присяжного поверенного бывать у разного рода полицейских и судейских чиновников.

– Так мы же, Владимир Ильич, – улыбнулся я, – ни то и не другое. Ни к обычной полиции, ни к суду мы никакого отношения не имеем. Тем более что иные времена – иные вкусы. Наша задача не схватить и покарать преступника, а предотвратить преступление, заранее направив нужного человека

на путь истинный... Мы, можно сказать, не лечим болезнь, а предотвращаем ее.

При этих словах Владимир Ильич неожиданно помрачнел.

– Да-с, Александр Васильевич, – сказал он, – как жаль, что вы не явились к нам восемнадцать лет назад. Тогда бы мой старший брат, скорее всего, остался бы жив. Вчера сама Вдовствующая императрица сказала мне, что в его деле, несомненно, наличествовала провокация полиции. А я ведь помню, что тем делом занимался лично господин Дурново.

– Разумеется, смерть Александра Ильича и его товарищей не принесла никому пользы, – ответил я. – Насчет провокации – не знаю, в том следствии я не участвовал. Но, скорее всего, Мария Федоровна знала что говорила. Что же касается господина Дурново, то тогда он действовал в меру своего разума и согласно общепринятым понятиям. К тому же, здесь немало потрудились тогдашний министр внутренних дел граф Толстой. Что же касается господина Дурново, то сегодня он нужен нам для того, чтобы не произошло более тяжкое преступление – война между Россией и Германией. Если вы действительно хотите добра русскому народу, то ради этой цели должны простить Петру Николаевичу смерть своего брата.

– Даже так? – сказал Ильич. – Ну что ж, если кровопролитие, которое вы собираетесь предотвратить с помощью господина Дурново, как я понимаю, вполне реально...

– Более чем реально, – сказал я, – да и, как вы правильно заметили, изменить уже содеянное мы не можем. Можно лишь помочь человеку искупить старый грех, пусть он об этом даже и не подозревает.

– Занятно, – с иронией произнес Ильич. – Александр Васильевич, а у вас голова по утрам не кружится от такого могущества?

– Нет, не кружится, – ответил я. Тем более что и могущества никакого особого и нет. Зато есть ответственность за все, что было, что будет или могло быть.

– Хорошо, Александр Васильевич, – вскинул голову Ильич, – давайте закончим этот разговор, тем более что я уже дал обещание с вами сотрудничать. Но сперва позвольте задать вам всего один вопрос...

– Ради Бога, – сказал я. – Я готов ответить на любой ваш вопрос.

Ильич снова ехидно прищурился.

– Александр Васильевич, ведь если господин Дурново с вашей помощью сумеет предотвратить войну с Германией и союзной с ней Австро-Венгрией, то никогда не произойдет та самая Октябрьская социалистическая революция, и партия большевиков не придет к власти. Так почему же я вам должен помогать?

– Владимир Ильич, – ответил я, уже несколько выходя из себя, – революция та была достаточно случайной. Существовало несколько моментов, когда все висело на волоске. Иг-

рать в игры с такими малыми шансами на выигрыш и с таким риском потерять все – это, извините, не по мне. К тому же победа большевиков была не настолько уж и бесспорна, ибо по окончании Гражданской войны, которая началась сразу же после Революции, партия большевиков в очередной раз раскололась на сталинистов и троцкистов. И первые уничтожили вторых. Как реально такое происходит, вы должны знать, вспомнив историю Великой Французской революции.

– Троцкисты и сталинисты? – удивленно поднял брови Ильич, – сталинисты, как я полагаю, это по будущему псевдониму товарища Кобы – нашего общего знакомого, Иосифа Джугашвили. А вот кто такие троцкисты?

– Фракция будет названа по псевдониму их вождя, – сказал я, – сторонника Мировой революции Льва Троцкого. Вам этот человек известен под фамилией Бронштейн.

– Как же, как же, – сказал Ильич, – припоминаю такого. Да, кстати, я ведь тоже сторонник Мировой Революции...

– Думаю, что скоро вы перестанете быть сторонником этой химеры, – сказал я, – это миф, морок, тот самый горизонт, который недостижим. Как только европейские империалисты почувют угрозу своим жизненным интересам, они совсем незначительно поделятся с европейским же рабочим классом результатами своего колониального грабежа, чем купят своих пролетариев с потрохами. Точно так же, между прочим, как результатами грабежа делились со своим пролетариатом их далекие древнеримские предшественники. Да-

дут народу немного хлеба и зрелищ, а уж те в долгу не останутся – все слопают. Ведь в сознание белого европейца, вне зависимости от его имущественного положения, легко внедряется идея о его расовом превосходстве над негром, китайцем, индусом, турком или латиноамериканцем... Решала же всерьез протестантская церковь вопрос, американские индейцы – они вообще люди или нет. Так что... пролетарская солидарность работает у европейских пролетариев только на голодный желудок. Получив же свою долю от колониального грабежа, германские, французские, британские, американские рабочие тут же забудут об этой самой солидарности и будут поддерживать свои буржуазные правительства. Для нас же, русских, положение выглядит совсем по-иному. Мы все народы воспринимаем равными себе, и там, где русский решает, кому и как жить, все будет строиться на равных основаниях, независимо от национальности. Для большинства нашего народа неприемлем въезд в рай на чужом горбу, если вам угодна такая аналогия. Поэтому мы – единственные, кто всерьез пытался построить социализм, причем строили его не только для себя, но и для разного рода братьев наших меньших, свесивших ножки и ехавших в счастливое будущее сидя на нашей шее. На этой самой интернациональной помощи мы, Владимир Ильич, и надорвались. Себе чуть-чуть, а трудящимся Африки и Азии, избравшим некапиталистический путь развития, щедрой рукой «помощь» в строительстве нового общества. А те потом нам за это – кусок дерьма

в бумажке...

Расстегнув нагрудный карман куртки, я вытащил из него свой партбилет и протянул их Ульянову-Ленину.

– Вот, Владимир Ильич, полюбуйтесь – ношу с собой, как память о тех великих и прекрасных временах.

– Что это? – спросил Ильич, протягивая мне руку – видимо, желая поддержать этот раритет из будущего и поближе познакомиться с ним.

– Это партбилет, – сказал я, – документ, удостоверяющий мою принадлежность к Коммунистической партии Советского Союза – вашей партии, товарищ Ленин. Выдан 17 апреля 1984 года. Недействителен из-за роспуска партии и в связи с распадом Советского Союза после августа 1991 года. Не взяв штурмом высоты коммунизма, мы откатились обратно в капитализм. Попав сюда, мы решили, что пойдем иным путем...

Ленин осторожно, словно сапер неразорвавшуюся гранату, взял из моих рук красную книжицу с надписью «Коммунистическая партия Советского Союза» на обложке. На внутренней стороне он увидел свой профиль и поморщился. Потом полистал партбилет, прочел записи, сделанные в нем каллиграфическим почерком. Так же осторожно он закрыл партбилет и вернул мне. Было видно, что в мозгу этого весьма неглупого человека происходит какая-то сложная работа, по своей важности сравнимая разве что с процедурой запуска атомного реактора.

– Да, товарищ Тамбовцев, – сказал Ильич после некоторого молчания, – я и не думал, что вы лично были свидетелем всему тому, о чем рассказываете.

– О нет, – сказал я, – не всему я был свидетелем, не такой уж я и старый. А застал я только конец партии, когда разница в положении советского трудящегося и сытого европейского рабочего класса при развитом империализме стала совсем уж неприличной. Сдайтесь, кричали нам, прекратите ваш дурацкий эксперимент, и у вас все тоже будет так же хорошо и сыто, как у нас...

– Разумеется, вас обманули? – сухо поинтересовался Ленин.

– Обманули, – подтвердил я, – но разве объяснишь это голодным людям, выстаивающим длиннющие очереди, чтобы купить себе самой обыкновенной колбасы или килек в томате. Потом, новое правительство уже буржуазной России прощало многомиллиардные долги так называемым развивающимся странам. Впрочем, они реально их и так никогда не смогли бы оплатить. И это при том, что самой России никто и не собирался прощать ни одного цента долга.

– Да, невеселая история, – сказал Ильич и добавил: – а теперь, как я понимаю, вы решили строить социализм с царским лицом... Увидели, так сказать, единственный выход.

Фирменным жестом, заложив большие пальцы за проймы жилета, Ленин задумчиво прошелся по кабинету взад-вперед. Мысль эта захватила его целиком, кипела и требовала

выхода в работу.

– С предыдущим «хозяином Земли Русской» у вас вряд ли что-нибудь получилось бы, – сказал он таким тоном, каким врач объясняет пациенту – когда тот должен помереть и почему, – Не наш это был человек, совершенно не наш. И изменить его вы вряд ли могли, уж мне ли не знать – нечему там было меняться.

– Да, – подтвердил я, – Николаем Александровичем мы, скорее, грамотно манипулировали, подавая ему абсолютно правдивую информацию в точно рассчитанные моменты, для получения нужной нам реакции. Но его смерти мы не желали. Скорее, он сам подставился под террористов, видя, что становится тормозом и угрозой для России, которую он все же по-своему любил. Может вы не в курсе, но ранее он уже несколько раз пытался соскочить с государственной колесницы, и останавливала его лишь неоднозначность этого решения и боязнь смуты. А тут смерть от рук убийц смыла все грехи и сделала императора его мучеником. Примерно так же поступил и его дед, который словно сам напрашивался на смерть от бомб первомартовцев, нарушив все существующие правила поведения охраняемого лица при теракте...

– Да?! – изумился Ильич. – Неожиданный поворот. А я и не знал. В европейских газетах о деталях покушения писали мало. Но все же с ним у вас шансов не было совсем, разве вы действительно нашли бы способ, при котором Николай смог

бы незаметно уйти в тень. С новым же хозяином, я думаю, вполне можно попробовать. Да, вполне. В нем очень сильно ощущается ваше влияние, и, не зная, кто этот человек, можно легко решить, что он один из вас. Есть в нем что-то такое... революционное.

Ленин снова и снова измерял шагами кабинет.

– Я думаю, что можно попробовать, – наконец сказал он. – Начать надо с теоретического обоснования. Без теории мы с вами будем просто слепы. Кроме того, нужно будет посмотреть, кто из товарищей найдет в себе силы перейти на нашу сторону, а кто станет непримиримым врагом... И все же европейский пролетариат – это такая сила; не хотелось бы ограничиваться пределами Российской империи...

– Для европейского пролетариата и прогрессивной интеллигенции мы должны предложить два выхода, – сказал я. – Первый и основной – это переехать в Россию и вместе с нами, под руководством императора Михаила Второго, строить самое справедливое государство на Земле. Второй путь, по которому мы должны идти без особого фанатизма – это организация в европейских странах демонстраций, поддержка непримиримых профсоюзов и подготовка восстаний пролетариата. Вряд ли у нас что-либо из этого получится, но простой народ должен знать, что мы за него, что поможет нам в случае войны. Ибо что русскому плохо, то немцу смерть.

– Но самым главным для нас, – закончил я свою мысль, – должна стать сама Россия и ее народ. Ибо преимущества со-

циалистического способа хозяйствования бесспорны, человеческие и природные ресурсы, имеющиеся на территории одной шестой части суши огромны, и, опираясь на эту экономическую мощь, наши армия и флот однажды вышибут из-под европейских империалистов их колониальные подпорки. И тогда мы посмотрим, кто кого будет соблазнять куском колбасы.

На сей оптимистической ноте моя встреча с Владимиром Ильичом Ульяновым-Лениным завершилась. Он пошел писать теоретическое обоснование в нашу ведомственную библиотеку, где, в числе прочего, имелась и литература из будущего. А я продолжил свою текущую борьбу с врагами России.

Со дня на день, или даже с минуты на минуту, в нашем подвале ожидалось пополнение. В Стокгольме сотрудники русской военной разведки, которым были приданы несколько наших специалистов, сумели отловить знаменитого полковника Акаши, военного атташе Японии в Шведском королевстве, продолжившего тайную борьбу и после капитуляции Японии. Теперь доставка полковника в наше распоряжение зависела только от ледовой обстановки в Ботническом заливе, что, естественно, было лишь делом времени. Весьма недолгого времени. Получив в руки полковника, мы сможем начать потрошить основных фигурантов, после чего в наших руках окажутся фактически вся информация об убийстве Николая II и попытке государственного переворо-

та.

**06 апреля (24 марта) 1904 года.
Полдень. Санкт-Петербург. Зимний
дворец. Малахитовая гостиная**

*Вдовствующая императрица Мария Федоровна,
принцесса Масако и епископ Николай*

Мария Федоровна сидела на золоченой софе, обитой малиновым бархатом, и задумчиво смотрела в окно, выходящее на Неву. Лед еще был крепок, хотя днем на улице уже пригревало не по-зимнему. Императрица размышляла о своей судьбе, богатой на события – как приятные, и не очень. Совсем недавно страшная смерть настигла ее старшего сына Ники. Произошло это среди бела дня, в самом центре столицы Российской империи. А вот младший сын, ее любимый Мишкин, отправившись на войну, побывал в бою, был ранен, но живой вернулся домой, да не один, а с невестой.

Все российские императоры женились на представительницах иностранных королевских домов. «Самодержец не должен жениться на своих подданных», – говаривал суровый император Николай I. Его сын, тесть Марии Федоровны император Александр II, вздумал нарушить завет отца и после

смерти своей супруги сочетался браком с княгиней Екатериной Долгорукой. У Романовых существовало поверье – Долгорукие несут смерть в их семью. Так и случилось: императора убили бомбисты – нигилисты.

А вот ее Мишкин удивил всех. Он привез с войны необычную невесту. Нельзя сказать, что она была не ровня Романовым – японская императорская фамилия считалась одной из самых древних правящих династий мира. Правда, принцесса Масако не была православной, но это являлось делом поправимым – достаточно было ей принять таинство Крещения, и последнее препятствие к браку нового императора снималось.

Ну, а то, что она лицом оказалась не совсем похожей на белолицых и белокурых германских принцесс – так это даже и хорошо. Говоря по чести, Мария Федоровна продолжала с неприязнью относиться к этим надменным германцам, которые так подло обошлись с ее родной Данией, отобрав у королевства одну треть территории. Об этом принцесса Дагмара, даже став императрицей Марией Федоровной, никогда не забывала.

Правда, сейчас, по воле политиков, Россия и Германия оказались связаны союзным договором, к которому, кстати, примкнула и Дания. Но политика – политикой, а чувства – чувствами. Мария Федоровна умела, когда это необходимо, улыбаться своим врагам, даже если ей совсем этого не хотелось.

А сейчас Вдовствующая императрица ожидала свою будущую невестку. Масако должна была придти в Малиновую гостиную в сопровождении епископа Николая, который был одновременно и ее законоучителем, знакомившим японскую принцессу с основами христианства, и наставником, рассказывающим будущей супруге русского императора о стране, в которой ей предстоит жить, и еще переводчиком. Впрочем, Масако старательно, как могут только японцы, учила русский язык, и уже смешно произносила своим тоненьким голоском простейшие фразы, часто заменяя звук «эл» на звук «эр». Но принцесса старалась, да и учитель у нее был опытный, и потому она уже немного понимала то, о чем ей говорили.

Мария Федоровна усмехнулась. Ей вспомнилось, что капитан Тамбовцев по секрету рассказывал ей о судьбе принцессы Масако в их времени. Принцесса вышла в 1908 году замуж на принца Цунэхиса Такэда. У нее родились сын и дочь. Так вот, дочь Масако, принцесса Аяко впоследствии приняла христианство и стала принцессой Марией. Вот так-то – от судьбы не уйдешь!

Вдовствующая императрица задумавшись, не заметила, как в Малахитовую гостиную вошли Масако и епископ Николай; принцесса, увидев мать ее будущего мужа, почтительно поклонилась. Мария Федоровна, быстро поднявшись с софы, подошла к ним и поздоровалась.

– День добрый, Ваше Веричество, – ответила принцесса,

смущенно опуская глаза.

– Как ты себя чувствуешь, дитя мое? – ласково спросила Мария Федоровна, с трудом удерживаясь, чтобы не погладить по голове эту юную девушку, которую волею политиков судьба забросила на другой конец света.

– Спасибо, хорошо, Ваше Веричество, – ответила Масако, подняв голову и с робостью заглядывая в глаза императрицы.

У Марии Федоровны сжалось сердце от жалости и нежности. Ей показалось, что с такой женой ее Мишкину будет хорошо. Она не знала, полюбит ли ее сын эту нежную и робкую девушку, как полюбил ее когда-то могучий и суровый супруг, Великий князь, а потом – император Александр III. И ей очень захотелось, чтобы все было именно так.

Вдовствующая императрица пригласила принцессу присесть на софу рядом, придвинула стул епископу Николаю, и неожиданно для себя стала рассказывать будущей невестке о том, что ей пришлось пережить, прежде чем она стала женой российского императора.

Датская принцесса Дагмара сначала была невестой цесаревича Николая, старшего сына императора Александра II. «Милого Никсу» – так называла его юная датская принцесса – невежественные европейские доктора загнали в могилу, лечя его варварскими методами «закаливания». Они заставляли больного молодого человека купаться в холодном Балтийском море, невзирая на то, что лето 1864 года было совсем не жарким.

Мария Федоровна вспомнила, как она чуть не упала в обморок, когда в апреле 1865 года увидела в Ницце своего жениха. Это был скелет, обтянутый кожей. Он вскоре умер, до последней минуты не выпуская из своих рук руку невесты, которой так и не суждено было стать его женой. Рядом ней все это время был брат Николая Александр. Он-то и стал через год ее супругом, ибо умирающий сам вложил руку невесты в руку младшего брата, попросив позаботиться о бедной девушке. И с Александром Дагмара, ставшая после обряда Миропомазания Марией Федоровной, была счастлива в браке до самой кончины императора.

Епископ Николай, переведивший Масако рассказ Вдовствующей императрицы, после слов о смерти Александра III перекрестился, а по щеке принцессы покатались непрошенные слезы. Ей вдруг стало жалко эту пожилую и добрую женщину, мать ее будущего мужа, которая чем-то была похожа на ее собственную матушку, оставшуюся во дворце отца-императора – так далеко от холодного и сурового Петербурга.

Мария Федоровна заметила слезы своей невестки. Она не сдержалась, обняла девушку и прижала ее к себе.

– Не бойся, милая, все будет хорошо, – ласково сказала императрица Масако, – я не дам тебя в обиду. Будешь ты с моим Мишкиным жить-поживать, да детей наживать.

Масако доверчиво прижалась к императрице. Она хотела что-то ей сказать по-русски, но не нашла подходящих слов, и быстро начала говорить по-японски епископу Николаю. Тот

почти синхронно стал переводить.

– Принцесса говорит, – сказал он, – что она будет Императрице-сама любящей и послушной дочкой. Она никогда не забудет ее доброту. Масако обещает быть верной женой ее сыну и родить наследника русского престола. Россия – великая страна, а русские – замечательный и добрый народ. Никогда, никогда подданные ее отца не будут больше воевать с русскими. Вражда между Россией и Японией нужна только западным гайдзинам, которые хотят заработать на этой вражде.

Переводя сбивчивую речь принцессы, епископ Николай в знак одобрения кивал головой. Мария Федоровна внимательно слушала свою будущую невестку и думала, что Мишкину повезло: эта девушка не только нежна, добра и послушна, но еще и умна. А это значит, что именно такая супруга и нужна императору России Михаилу II.

Встав с софы, Мария Федоровна подошла к столу, стоящему в центре гостиной, сделанному из малахита, и взяла с него Евангелие. Она взяла томик Нового Завета и подошла к Масако.

– Возьми это, милая, – сказала она, – пусть эта священная книга будет всегда с тобой. Я верю, что она поможет тебе лучше понять народ, в котором тебе придется жить. Держи ее всегда при себе, и в трудную минуту заглядывай в нее.

– Ваше Преосвященство, – обратилась она к епископу Николаю, – прошу вас помочь этой светлой душе побыстрее по-

нять суть Православия. Мне кажется, что ее уже можно считать оглашенной, и она должна все вечера бывать в нашей дворцовой церкви, чтобы принцесса восприняла дух нашего богослужения. Я буду считать дни до того светлого дня, когда она примет таинство Крещения. Ну а после обручения, мы обвенчаем их. К сожалению, из-за траура по моему трагически погибшему сыну все церемонии будут скромными, без положенного в таких случаях размаха. Но, даст Бог, все образуется.

Мария Федоровна подошла и обняла принцессу Масако, стала под благословение епископа Николая, и, попрощавшись с ними, отправилась на половину императора. Ей надо было переговорить с сыном о его будущей семейной жизни...

Манифест императора Михаила II о взошествии на престол

Объявляем всем верным Нашим подданным: Богу, в неисповедимых судьбах Его, благоугодно было завершить славное Царствование Возлюбленного Брата Нашего мученической кончиной, а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления. Повинуясь воле Провидения и Закону наследия Государственного, Мы приняли бремя сие в страшный час всенародной скорби и ужаса, пред Лицем Всевышнего Бога, веруя, что предопределив Нам дело

Власти в столь тяжкое и многотрудное время, Он не оставит нас Своею Всесильною помощью. Веруем также, что горячие молитвы благочестивого народа, во всем свете известного любовью и преданностью своим Государям, привлекут благословение Божие на Нас и на предстоящий Нам труд Правления. В Бозе почивший Брат Наш, прияв от Бога Самодержавную власть на благо вверенного Ему народа, пребыл верен до смерти принятому Им обету и кровию запечатлел великое Свое служение. Да будет память Его благословенна во веки!

Низкое и злодейское убийство Русского Государя, среди верного народа, готового положить за Него жизнь свою, недостойными извергами из народа, — есть дело страшное, позорное, омрачило всю землю нашу скорбью и ужасом. Но среди великой Нашей скорби Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысл, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений. Да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца верных наших подданных, всех любящих Отечество и преданных из рода в род Наследственной Царской Власти. Под сению Ее и в неразрывном с Нею союзе земля наша переживала не раз великие смуты и приходила в силу и в славу среди тяжких испытаний и бедствий, с верою в Бога, устрояющего судьбы ее. Посвящая Себя великому Нашему служению, Мы

призываем всех верных подданных Наших служить Нам и Государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, – к утверждению веры и нравственности, – к доброму воспитанию детей, – к истреблению неправды и хищения, – к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России Благодетелем ее, Возлюбленным Нашим Братом.

Дан в С.-Петербурге, в двадцать пятый день Марта, в лето от Рождества Христова одна тысяча девятьсот четвертое, Царствования же Нашего в первое.

7 апреля (25 марта) 1904 года. Утро. Санкт-Петербург. Зимний дворец, Георгиевский зал

Сегодня в Георгиевском зале Зимнего дворца было необычайно многолюдно. Новый российский самодержец, чей манифест о восшествии на престол только вчера был оглашен перед народами Российской империи, пожелал выступить перед иностранными послами, а также перед корреспондентами российских и иностранных информационных агентств. Ранее подобным способом взывал к своей пастве только папа Римский, ежегодно выступая с посланием к «Граду и миру».

Сейчас же впервые ко всему человечеству обращалось лицо светское, тем более такое, от которого чего-то подобно-

го ожидали менее всего. Император российский Михаил II, властелин одной шестой части мира и крупнейшего государства на планете. Было еще неизвестно, станет ли такой формат общения с обществом постоянным, но это мероприятие вдруг приобрело необычайную популярность, и сейчас слушать императора приготовились почти весь дипломатический корпус и аккредитованные в Санкт-Петербурге журналисты иностранных и отечественных газет.

Все происходило необычно и интригующе. Набережная Невы у входа, ведущего к Иорданской лестнице Зимнего дворца, была оцеплена полицией. Вдоль оцепления прогуливались одетые в штатское агенты охранного отделения и члены Дворцовой полиции. Внимательным взором они смотрели на тех, кто был приглашен на встречу с новым императором, стараясь определить, нет ли среди приглашенных лиц, принадлежащих к эсеровской Боевой организации. Любой, кто вызвал у них подозрение, приглашался в караульную будку, установленную на набережной – там у него проверяли документы.

На входе перед лестницей находилось еще одно оцепление. На этот раз здесь дежурили чины Дворцовой полиции и прогуливались несколько человек в пятнистых мундирах. Здесь приглашенным журналистам предлагали зарегистрироваться у стоящего за оцеплением столика и получить пропуск в Георгиевский зал, где, собственно, и должна была состояться встреча Государя с дипломатами и журналиста-

ми. Приглашенному следовало подойти к столику, назвать свою фамилию, имя и орган печати, направивший его на эту пресс-конференцию. Далее, удостоверившись, что этот человек значится в списке, стоящий рядом с регистратором сотрудник охраны, знавший в лицо практически всех известных газетчиков столицы, подтверждал сей факт, и начиналась выдача разового пропуска. После сверки со списками, которые заранее представили в Дворцовую полицию газеты и журналы, приглашенный получал пропуск. Когда прошедших такой строгий контроль накапливалось с десятков, их в сопровождении чинов дворцовой полиции вели вверх по лестнице на второй этаж, а оттуда – к Большому тронному залу (он же Георгиевский зал Зимнего дворца).

У входа в Георгиевский зал журналистов в последний раз проверяли люди в пятнистой форме, со странным попискивающим прибором в руке, напоминающим короткое весло.

Ну, а далее приглашенные журналисты, а также зарегистрировавшиеся отдельно и вошедшие через Собственный подъезд Зимнего дворца зарубежные дипломаты и представители питерского бомонда, рассаживались на стульях в Большом Тронном зале и готовились выслушать то, что скажет им новый император о задачах и целях своего правления. В последнее время Россия не раз уже шокировала своих соседей неожиданными успехами и не менее неожиданными политическими решениями.

В ходе последней войны, после того, как Россия наголо-

ву разгромила Японскую империю, она твердо встала на Тихоокеанском побережье континента, и готова была в любой момент начать экспансию в сторону слабого и раздражаемого смутами Китая. Заключение Российской империей союза с Германией, и ее разрыв с Францией, раз и навсегда нарушил баланс сил в Европе, сделав бессмысленной уже созревшую британскую комбинацию с созданием Сердечного Соглашения.

Этот договор должны были подписать еще три дня назад, но пока ни из Лондона, ни из Парижа известия об этом не поступали. Стороны, как говорится, «потеряли интерес», и теперь лишь резкое изменение российской внутривосточной ситуации могло активизировать франко-британскую связь. Вся Европа, кроме участвовавших в сговоре с Россией Германии, Дании и Швеции, находилась в ужасе от всего происходящего. Как и во времена падения Рима, рушились основы мира. Несметные армии варваров снова были готовы победоносно маршировать по всей Европе.

Время, на которое было назначено начало пресс-конференции, уже прошло. Собравшиеся стали переглядываться и шепотом обсуждать причину задержки. Но тут открылась дверь слева от возвышения, на котором стоял трон, и в зал вошел пожилой человек среднего роста, с короткой седой бородкой. По залу пронесся гул. Многие узнали в этом человеке одного из таинственных гостей императора – капитана Тамбовцева. Судя по всему, он был в фаворе у нового императора.

– Господа, – обратился он к собравшимся в зале, – я назначен Государем вести пресс-конференцию. Хочу сообщить, что их императорское Величество будет здесь через несколько минут. А пока я хотел бы посоветовать господам журналистам еще раз продумать те вопросы, которые будут заданы ими Государю после его выступления. Прошу учесть, что очередность и продолжительность обращения к Их Величеству определять буду я.

Зал снова загудел, но тут дверь снова распахнулась, и в Большой Тронный зал вошел сам император Михаил II. Все присутствующие дружно встали, приветствуя российского самодержца.

Слегка прихрамывая, он подошел к небольшой импровизированной трибуне, стоявшей неподалеку от тронного возвышения. Государь был одет в черный мундир с полковничьими погонями. В вырезе куртки просвечивала простая матросская тельняшка, а на груди белел крест орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса. Внешний вид нового императора говорил о том, что основой его правления будет сила, простота и целесообразность.

– Дамы и господа, – негромко сказал он, – я никогда не предполагал, что когда-нибудь стану императором, и никогда не имел такого желания. Но злодейское убийство моего любимого старшего брата не оставила мне выбора. Мой брат, император Николай II, погиб как солдат на боевом посту, и я попрошу всех присутствующих встать и почтить ми-

нутой молчания его самого, а также всех прочих людей, в тот страшный день принявших мученическую смерть от руки злодеев-бомбистов. Вечная им память.

Сдернув с головы черный берет с офицерской кокардой, император перекрестился, внимательно наблюдая, как встают сановники, послы и даже известные своими либеральными взглядами журналисты. Тем изрядно потрафило, что новый император очень демократично одной фразой объединил своего брата Николая, казаков конвоя или просто случайных горожан, погибших во время покушения на Большой Морской.

Когда время истекло, император жестом показал своим гостям, что они могут садиться. В этот момент он как бы увидел весь зал целиком, почувствовал его наэлектризованность противоречивыми эмоциями, исходящими от послов, сановников и журналистов. Вытянув паузу, необходимую в такой драматический момент, император продолжил:

– Государство в моем лице не оставит своим вниманием вдов и сирот погибших, неважно, находились они на государственной службе или просто оказались случайными прохожими. Всем семьям сообразно статусу будет выплачена компенсация за погибших и назначены пенсии по утрате кормильца. Также могу обещать, что государство строго накажет участников, организаторов и заказчиков царубийства. Если выяснится, что эти люди скрываются в аду, то офицеры ГУГБ и Департамента Полиции нырнут и туда, чтобы из-

влечь из пекла негодяев и предать их справедливому суду. Да будет так.

Он перевел дух и осмотрел притихший зал. Было слышно, как журналисты скрипят карандашами, стенографируя речь самодержца. Сейчас устами Михаила II говорила сама история.

– Соплеменники моей будущей супруги говорят, что долг тяжелее горы, а смерть легче перышка, – продолжил император. – Нам чужд такой фатализм, но мы, Романовы, тоже помним, что такое долг. Привести Россию к величию и процветанию – вот мой долг перед памятью моего брата, моего отца, моего деда, моего прадеда, перед памятью всех моих предков, включая и первого царя московского Михаила Романова, в честь которого я был назван. Это мой долг перед моими подданными, перед всеми сословиями. Ибо монарх – это человек, наделенный властью свыше, и он должен быть своим подданным любящим отцом. Как отец опекает своих детей, обеспечивая их всем необходимым, так и государство должно заботиться об образовании, здоровье и благосостоянии всех его подданных. Самой бедной и самой обездоленной частью нашего общества является крестьянство. Восемь из десяти крестьянских семейств едва находят себе средства к существованию, что подрывает основы существования самой Российской империи, так как крестьянство – это подавляющая часть ее населения. Голодный и нищий мужик никогда не сможет накормить городского обывателя,

а значит, вскорости, по причине роста населения, мы превратимся из нетто производителя в нетто потребителя продовольствия. Причин тут две: хроническое малоземелие в центральных губерниях и крайне отсталые методы ведения сельского хозяйства. Первую проблему мы собираемся решать с помощью переселения крестьян на пустующие земли Сибири, Туркестана, Манчжурии и Дальнего Востока. Вторая же проблема может быть решена исключительно путем просвещения и внедрения самых передовых методов земледелия. Что же касается развития промышленности, особенно военной, которая должна стать целиком отечественной, то нам для начала нужно резко увеличить количество образованных и технически грамотных людей, ибо миллионы вчерашних крестьян не заменят нам и одного инженера. Уже сейчас при открытии даже небольших фабрик существует нехватка инженеров и техников. Да и простых квалифицированных рабочих, токарей, слесарей, электриков, телеграфистов тоже остро не хватает.

Император вздохнул и продолжил:

– Но при всем при этом нам не следует забывать о том, что мирный труд пахаря, рабочего, инженера, врача и агронома должен быть надежно защищен. Совсем недавно Россия подверглась неспровоцированному вероломному вражескому нападению, за которым последовало предательство союзника. Теперь мы хорошо понимаем, как дорого для нас стоит безопасность и мир. Мой покойный батюшка, император

Александр III не раз говорил, что у России нет союзников, за исключением наших армии и флота. Но поскольку судьбой нам суждено жить в окружении соседних государств, Россия должна поддерживать с ними дружеские отношения. Однако все наши соседи должны запомнить, что отныне Россия твердо и неукоснительно будет соблюдать свои обязательства перед союзником ровно в той же мере, в какой союзник соблюдает свои обязательства перед Россией. Во всех своих делах, везде и всегда, Россия будет стремиться к миру прямо и неуклонно. Но ежели будут задеты наши государственные интересы, а уж тем более если кто-то покусится на независимость и территориальную целостность России, то мы оставляем за собой право на прямое и непосредственное применение вооруженного насилия.

Император обвел взглядом присутствующих, внимательно слушавших его выступление, кивнул и сказал господину Тамбовцеву:

– Александр Васильевич, я закончил. Пусть желающие задают вопросы. Я отвечу на любой из них...

7 апреля (25 марта) 1904 года. Утро. Санкт-Петербург. Зимний дворец, Георгиевский зал

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич

Ну, что ж, начнем помолясь... Стены Зимнего дворца видели многое: смерть российских императоров, великий пожар 1837 года, взрыв, устроенный Халтуриным в 1880 году. Но ТАКОГО в резиденции русских царей не было никогда. Пресс-конференция Помазанника Божьего с ответами на любые, даже самые каверзные, вопросы. Впрочем, таких надо избегать. Михаил еще неопытный политик, и вряд ли сможет сохранить невозмутимость и парировать вопрос, заданный с провокационной целью.

Итак... Кто же будет первым? Первым оказался всеми уважаемый патриарх русской журналистики Василий Иванович Немирович-Данченко. Он встал, поправил свое пенсне, разгладил седую «скобелевскую» бороду и спросил:

– Ваше величество, я представляю газету «Русское слово». Не могли бы вы рассказать нам о том, как доблестной русской армии и не менее доблестному русскому флоту удалось так быстро и при малых потерях разгромить Японию? Ведь она была сильна – армия и флот империи отлично по-

казали себя в войне с Китаем.

– Да, Василий Иванович, вы правы, – ответил Михаил, – Япония была опасным и сильным врагом. Но она была побеждена еще более сильным противником. Вы уже знаете, что основную тяжесть боевых действий в Корее и в водах Тихого океана взяли на себя корабли и морские пехотинцы с эскадры адмирала Ларионова. Действуя решительно и быстро, по-суворовски, они уничтожили флот Японии, а сухопутная армия императора Мацухито, попав в окружение, вынуждена была сложить оружие. Теперь, когда заключен предварительный договор и подходят к концу переговоры, я рассчитываю, что в самое ближайшее время будет подписан окончательный мирный договор между Японией и Российской империей. В пресс-релизе, который в конце нашей встречи получат все ее участники, будут опубликованы итоги боевых действий, потери сторон и, в самом общем виде, условия мирного договора. Самое главное, господа, что Россия и Япония договариваются без участия так называемых международных посредников. Державе мирового масштаба, какой, несомненно, является Россия, не нужны посредники для заключения каких-либо соглашений с ее соседями. Японская империя произвела вероломное неспровоцированное нападение на Россию и была за это наказана. Пусть этот случай станет уроком всем остальным державам.

В зале раздался шум. Всегда сдержанные, «застегнутые на все пуговицы» дипломаты оживленно обменивались мнени-

ями. Я представил, какой у них будет вид, когда им вручат экземпляры пресс-релиза, уже отпечатанные в нашей служебной типографии, которая на днях начала работать в «Новой Голландии».

Следующим задал вопрос императору корреспондент американской газеты «Нью-Йорк Таймс» Стэнли Карпентер.

– Ваше величество, – сказал он, – мы очень рады, что ранения, которые вы получили во время инцидента со шхуной «Марокканка» оказались не тяжелыми, и ваше здоровье пошло на поправку. Мы читали о случившемся в репортаже моего коллеги мистера Лондона. Можете ли вы что-либо добавить к тому, что он уже написал? И каковы результаты следствия, которое, как я слышал, уже подходит к концу?

– Мистер Карпентер, – сказал Михаил, – ваш коллега проявил высокий профессионализм и в общем правильно и объективно рассказал всему миру о гнусном поступке британских военных моряков. Лет триста назад всех уцелевших после короткого суда наверняка бы вздернули на рее, как пиратов. Но на дворе XX век, и мы проявим гуманизм. Все виновные в нападении на русский корабль, который, кстати, шел под моим вымпелом, отправятся на каторгу. Теперь по поводу следствия. Оно идет, и в ходе этого следствия появляются все новые и новые весьма интересные подробности. Сейчас я не буду пока ничего говорить об этом, поскольку даже император не имеет права нарушать тайну следствия. Но я могу вам обещать, что после окончания расследования гос-

поодином Плеве будет созвана специальная пресс-конференция, на которой вы узнаете все эти подробности. Думаю, они станут настоящей сенсацией...

Зал опять загудел, а Михаил посмотрел на меня, словно спрашивая: «Я все правильно говорю?» Я кивнул ему и дал слово новому газетчику.

На это раз вопрос императору задал Михаил Суворин, главный редактор петербургской газеты «Новое время». Я слышал, что Михаил Алексеевич был в душе консерватором, хотя в его газете порой печатали довольно либеральные статьи. Суворин спросил:

– Ваше величество, как я слышал, вы собираетесь начать свое правление с довольно радикальных реформ. Не вызовет ли все это революцию?

Михаил усмехнулся.

– Господин Суворин, вы прекрасно знаете, что реформы в нашем обществе назрели. И я буду их проводить, какими бы радикальными, по мнению некоторых слоев нашего общества, они ни казались. А насчет революции я хочу ответить вам словами воспитателя моего деда императора Александра Второго Василия Андреевича Жуковского: «Революция есть безумно губительное усилие перескочить из понедельника прямо в среду. Но и усилие перескочить из понедельника назад в воскресенье столь же губительно». Так что выбора у нас нет – надо двигать Россию вперед, но без революционных потрясений и социальных катаклизмов.

– Позвольте, Ваше величество, задать вам личный вопрос, – подсуетился корреспондент австрийской газеты «Винер Цейтнунг» Ойген Циммерман, – вы вернулись с фронта боевых действий с невестой, дочерью японского императора. Почему вы нарушили традиции ваших предков и предпочли искать супругу не среди европейских принцесс, а в Азии?

Слава Богу, наконец-то был задан вопрос, ответ на который мы вчера так долго репетировали с Михаилом. Надо ответить на него с юмором, и в то же время показать все убожество и упёртость «цивилизованных европейцев».

– Видите ли, господин Циммерман, – с улыбкой ответил император, – Россия испокон веков строилась как многонациональная страна. Мои предшественники, киевские князья, часто находили себе спутниц жизни среди азиатских красавиц – половецких и осетинских княжон. Так что я отнюдь не оригинален. Да и взгляды у меня настолько широкие, что я просто не воспринимаю тот бытовой расизм, которым часто руководствуются люди, считающие себя либералами и демократами, но в то же время делящих людей по цвету кожи и разрезу глаз. Немного познакомившись с бытом и культурой родины моей невесты, я сделал вывод, что это государство древней высокой культуры, а люди ее населяющие, обладают замечательным художественным вкусом и чувством прекрасного. И не беда, что они не христиане. Среди статей мирного договора есть и та, в которой говорится, что православие будет считаться в стране Ниппон такой же

государственной религией, как и синто. А что касается моей невесты, то она в самое ближайшее время примет Таинство Крещения. И будет так, как написано в Послании апостола Павла к Галатам: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нету же Иудея, ни язычника: ибо все вы одно во Христе Иисусе». А тот, кто думает иначе – то не христианин, а фарисей.

Корреспондент порт-артурской газеты «Новый край» Дмитрий Григорьевич Янчевецкий, брат известного в нашем будущем писателя-историка Василия Яна, поинтересовался, как теперь, после поражения Японии, пойдет развитие Дальнего Востока.

Михаил ответил, что дальневосточные земли России, а также Маньчжурия, которая теперь уже однозначно войдет в состав империи, будут активно осваиваться, в том числе и теми, кто будет переселяться туда из европейской части России.

– Господа, – обратился к присутствующим Михаил, – вы должны запомнить, что интересы Российской державы отныне сосредоточены не только в Европе. Если нам удастся освоить богатства Сибири и Дальнего востока, Россия станет самым богатым и самым могущественным государством мира. Еще мой брат Николай начал процесс разворота русского государственного корабля на Восток, и я могу вам обещать, что эта политика будет продолжена со всей неуклонной твердостью. Отныне Россия твердо встает обеими ногами на бе-

регах Тихого океана. Там наше будущее.

Михаил внимательно посмотрел в ту сторону, где были рассажены представители дипломатического корпуса.

– Господа, – обратился император к дипломатам, которые слушали его, боясь пропустить хоть одно слово. – Я настоятельно прошу довести все эти мои слова до ваших правительств.

Что же касается представителей «второй древнейшей профессии», так те просто подпрыгивали на стульях от нетерпения. Они готовы были мгновенно сорваться с места и броситься на центральный телеграф, чтобы первыми сообщить своим читателям обо всем том, что им довелось здесь увидеть и услышать. Дело пахло сенсацией мирового масштаба. Завтра мир вздрогнет, как корабль, напорившийся на риф, и одни бумаги начнут вдруг стремительно дешеветь, в то время как другие безумно вздорожают.

Следующим должен был быть корреспондент датской газеты «Юланд Постен» Карл Хансен: он тянул вверх руку и пытался задать вопрос. Но, посмотрев на Михаила, я увидел, что император неосторожно повернулся и болезненно сморщился. Еще бы: для человека, который едва оправился от тяжелого ранения, он и так слишком много времени провел на ногах. Пресс-конференцию пора было заканчивать.

Скрестив на груди руки, я увидел его ответный кивок и обратился к присутствующим:

– Господа, большое спасибо за внимание, наша пресс-кон-

ференция закончилась. Обещаю вам, что мы будем регулярно проводить такие встречи для информирования российской и мировой общественности на самом разном уровне. За исключением государственных секретов, России нечего скрывать от мира. Спасибо за внимание.

Михаил, дождавшись конца моего выступления, обратился к дипломатам и журналистам:

– Господа, Мы полагаем, – императорское «Мы» он подчеркнуто выделил своей интонацией, – что после сегодняшнего мероприятия присутствующие здесь получили полное представление о том, что происходит сегодня в Российской империи, а также общие сведения и о том, какие изменения в нашей политике произойдут в самом ближайшем времени. Информацию с цифрами и фактами вам сейчас передаст господин Тамбовцев. Всего всем доброго.

Он кивнул всем присутствующим и, прихрамывая, покинул Большой Тронный зал. А меня обступила галдящая толпа журналистов и представителей дипломатического корпуса: теперь они пытались задать свои вопросы мне. Я тайно улыбался им и хранил молчание, словно партизан на допросе.

Через минуту в зал вошли дворцовые служащие, неся на подносах стопки отпечатанных релизов. Внимание жаждущих информации дипломатов и газетчиков переключилось на них. Воспользовавшись этим, я выскользнул из зала вслед за императором. Пот с меня лил градом, будто я не вел пресс-

конференцию, а разгружал мешки с мукой. Было такое в годы моей студенческой юности.

Ну, скажу честно, первый блин не был комом. Почитаем завтра в газетах (как наших, так и иностранных), что в них напишут о первой пресс-конференции нового русского императора. Думаю, что эмоции будут бить через край...

8 апреля (26 марта) 1904 года. Утро. Обзор российской и иностранной прессы

Российская **«Новое время»**: *«Реформы – бóльшие, чем революция! Новый император готов решительно двигать Россию вперед, но без социальных катаклизмов».*

Французская **«Фигаро»**: *«Россия больше не ищет союзников! Император Михаил считает, что теперь союзники должны искать милость России».*

Австрийская: **«Винер Цейтнунг»**: *«Пугающие заявления нового русского монарха! Россия чувствует себя хозяйкой всего евразийского континента».*

Германская **«Берлинер тагенблат»**: *«Континентальные державы сплотились перед лицом общих угроз! Горе тем, кто попытается напасть на Россию и Германию».*

Британская **«Таймс»**: *«Россия играет мускулами! Британская империя готова принять вызов, брошенный ей из Петербурга»*

Американская **«Нью-Йорк Таймс»**: *«Россия готовит информационную бомбу! Материалы следствия по делу «Марокканки» могут взорвать всю мировую политику!»*

Итальянская **«Стампа»**: *«Амбициозные намерения императора Михаила! Новый русский монарх хочет стать вторым Петром Великим!»*

Испанская **«Гасета нуэва де Мадрид»**: *«С войны на трон! Русский царь, победив Японию, готовится к новым победам».*

Датская **«Юланд постен»**: *«Царь Михаил заявил: Мы рады наступившему миру, но никому не позволим говорить с нами языком силы».*

**8 апреля (26 марта) 1904 года. Вечер.
Санкт-Петербург. «Новая Голландия»**

Штабс-капитан Бесоев Николай Арсеньевич

Стояла сырая весенняя погода, когда среднесуточная питерская температура подползает к нулю, с крыш текут потоки талой воды, сугробы резко оседают, в канавах журчат ручьи, а лед на реках вздувается и становится серым и ноздреватым. Это первая наша весна в новом времени, и, повинувшись этому всеобщему пробуждению природы, душа жаждет романтических встреч и волшебных откровений.

Под вечер, как стемнело, к нам в «Новую Голландию», попростому, не чинясь, на обычной карете приехал сам император. Сначала я думал, что он желает приватно побеседовать с новым узником нашего «зиндана», широко известным в узких кругах, японским полковником Акаши. Но, как оказалось, интерес императора к нашей юдоли скорби заключался совсем не в этом ушлом самурае, не подчинившимся даже приказу своего императора прекратить подрывную деятельность против России. Вчерашнее выступление Михаила перед прессой и послами, а также последующая за ним пресс-конференция бабахнули так, что так называемое ми-

ровое сообщество теперь только об этом и говорило. Так получилось, что Михаилу II потребовался совет военного специалиста, то есть меня.

– Господин штабс-капитан, – сказал он мне при встрече, когда были уже сказаны все ритуальные слова, казаки конвоя остались внизу, а мы поднялись в мой кабинет, – у меня такое чувство, будто что-то очень важное в нашем государстве находится не на том месте, где ему должно быть. Нет-нет, не перебивайте меня. Я как раз о ваших старших товарищах и командирах: адмирале Ларионове и полковнике Бережном. Несмотря на то, что вчера я сказал о том, что наши основные интересы лежат на Востоке, это не совсем так. На Тихом океане сейчас находятся свободные земли, источники сырья и рынки сбыта. Сейчас, когда Япония укрощена, никаких серьезных угроз в тех краях у нас практически нет. Британия, а уж тем более Франция и Германия в своей политике связаны ограничениями в логистике и не способны быстро наращивать там свои силы. Мы же, после завершения строительства прямого Транссибирского железнодорожного пути, а также после освоения морских маршрутов через Арктику, получим возможность быстрого маневра силами между восточными и западными рубежами нашей державы. Судьба России – твердо стоять ногами на берегах двух великих океанов.

Михаил немного помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил:

– Основные угрозы для России в ближайшее время лежат все же на европейском театре военных действий. Именно тут находится клубок противоречий, при попытке распутать который может бабахнуть мировая война. Переплетение интересов Франции, Британии, Германии, а также Австро-Венгрии и Турции, как мне кажется, неизбежно приведут к войне. Заключив альянс с Германией и разорвав союз с Францией, Россия только отодвинула эту войну на какое-то время, но не отменила ее. Это в Лондоне уже наверняка поняли, и теперь там ищут пути противодействия подобному ходу истории. Давление на основного противника, то есть на Британию, должно нарастать. И в это время у меня здесь, под рукой, нет ни одного способного к делу генерала или адмирала. Те, кого мы знаем по их успешным действиям во время вашей Первой мировой, еще слишком молоды, а остальные или уже безнадежно состарились, или ни на что не годны изначально.

– А как же генерал Брусилов и адмирал Макаров, Ваше величество? – спросил я.

Михаил пожал плечами.

– О генерал-майоре Брусилове я уже навел справки. Сейчас он начальствует в Офицерской кавалерийской школе и не имеет опыта командования ни дивизией, ни бригадой, ни полком. Командовал только эскадромом в 16-м драгунском Тверском полку. Оставлен при Офицерской кавалерийской школе в 1883 году после сдачи на «отлично» курса эскадрон-

ных и сотенных командиров. За двадцать один год он сделал в этой школе карьеру от адъютанта до начальника. Брусилов, конечно, талант, но этот талант еще не дошел, как у вас говорят, «до нужной кондиции». Что же касается адмирала Макарова, то я вижу в нем больше полярного исследователя, моего заместителя на Севере, и начальника Севморпути, а не флотоводца, поскольку уже осведомлен о том, что многие его идеи на поверку оказались, мягко говоря, легкомысленными и авантюрными. Это, например, безбронные корабли или облегченные бронебойные снаряды.

– Видите ли, товарищ штабс-капитан, – сказал Михаил, и от этого столь дорогого для меня слова «товарищ» я даже вздрогнул. – Сейчас я мыслю, что ядро новых боевых командиров, которые выиграют грядущую мировую войну, надо собирать вокруг ваших старших товарищей: адмирала Ларионова, полковника Бережного, генерал-майора Антоновой и прочих офицеров, готовых передать нам весь свой опыт. Но только командиры – это еще не все. Часть кораблей, а также почти вся ваша боевая техника нужна нам здесь, в Европе, а не на Дальнем Востоке, ибо так будет проще копировать то, что поддается копированию. Пусть не все и не сразу, но технологическое преимущество перед Европой мы получить должны. Кроме того, надеюсь, что Наместник Дальнего Востока Евгений Иванович Алексеев на меня не обидится, если я ограблю его на некоторое количество подающих надежды командиров. Григорович, Эссен, Кондратенко, Кол-

чак... Эбергарда я ему тоже не верну. Вы-то сами, Николай Арсеньевич, как считаете, до какого срока нам удастся оттянуть мировую войну?

– Ваше величество, – ответил я, – в нашей истории германская большая кораблестроительная программа была рассчитана до 1918-го года, и ее целью был численный паритет с Британией по кораблям первой линии.

– Хм, – сказал Михаил, – значит, и тогда они готовились к войне с Британией. Интересно... И, Николай Арсеньевич, давайте здесь и сейчас без чинов и титулов. Исходя из сути обсуждаемой проблемы, будем считать, что беседуют два русских офицера. Давайте так и будем дальше вести беседу.

– Хорошо, Михаил Александрович, – ответил я и добавил: – В наше время это называлось «разговор без галстуков».

– Так-то оно лучше, – сказал Михаил и спросил: – Так на чем мы остановились?

– На Германии, – ответил я. – Ее флот готовился к войне с Англией, а армия – с Францией. Все мобилизационные планы были ориентированы на войну на Западном фронте. Необходимость вести активные действия на Востоке на первых порах стала для немецких генералов неприятным сюрпризом. Хотя в Петербурге на этот счет мнения были прямо противоположные. Наши генералы и адмиралы были уверены, что Германия всей своей мощью обрушится именно на Россию. Не знаю, в чем там было дело. Возможно, что в коз-

нях наших так называемых союзников.

– А сейчас, Николай Арсеньевич? – заинтересованно спросил Михаил.

Я пожал плечами.

– Не знаю, Михаил Александрович. Я ведь все-таки, несмотря на все свои таланты, попал сюда всего лишь старшим лейтенантом, и академиев кончать не сподобился. Вам бы ваш вопрос куда повыше переадресовать.

Михаил вздохнул.

– Вот потому-то мне здесь нужны Виктор Сергеевич и Вячеслав Николаевич. Да не одни, а с большей части своих людей и кораблей. Тем более что сестра моя Ольга давеча писала, что Вячеслав Николаевич стал светом ее истерзанного сердца. Не сидеть же ей теперь безвылазно в этой Корее... Вот я теперь и ломаю голову, сколько кораблей перебрасывать на Балтику и каким путем...

Я посмотрел сперва за окно, потом на часы.

– Михаил Александрович, сейчас вроде должна быть связь с Фузаном. Идемте на радиостанцию, сами обо всем и переговорите с адмиралом Ларионовым.

Мы вышли из здания и под падающим с неба то ли дождем, то ли мокрым снегом, прошли в башню, где и располагался радиостанция. Миновав вооруженного часового, мы поднялись наверх. В помещении было почти жарко. Дежурный оператор при виде Михаила подчеркнуто не торопясь встал и отдал честь. Повисла напряженная тишина.

– Адмирала Ларионова к аппарату вызвать можете? – наконец спросил император.

Оператор посмотрел стрелки приборов, пощелкал клавишами и вздохнул.

– Только в телеграфном режиме, Ваше величество. Что-то матушке Земле сегодня нехорошо, помехи сильные.

– Хорошо, вызывайте, – сказал Михаил. – Пусть будет в телеграфном режиме.

Оператор снова уселся за свой стул, придвинул к себе клавиатуру и начал щелкать клавишами. Телеграфный режим в наше время – это что-то вроде отправки СМС-ки, только скорость передачи данных во много раз ниже. Предтечей этой технологии был изобретенный в начале двадцатого века телеграфный аппарат БОДО – тот самый, который с лентами.

Вот листинг того диалога:

20:55 (СПБ) ЗДЕСЬ ИМПЕРАТОР МИХАИЛ. КОНТРАДМИРАЛА ЛАРИОНОВА К АППАРАТУ.

20:57 (ФУЗАН) АДМИРАЛ ЛАРИОНОВ ИЗВЕЩЕН, ЖДИТЕ.

21:08 (ФУЗАН) АДМИРАЛ ЛАРИОНОВ У АППАРАТА. ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО. С БЛАГОПЛУЧНЫМ ПРИБЫТИЕМ В СТОЛИЦУ.

21:09 (СПБ) И ВАМ ДОБРОГО УТРА ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. ИЗВИНИТЕ, ЧТО ПОДНЯЛ В ТАКУЮ РАНЬ.

21:11 (ФУЗАН) СЛУШАЮ ВАС, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО.

21:13 (СПБ) В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ МИРНОГО ДОГОВОРА С ЯПОНИЕЙ И ОБОСТРЕНИЕМ ОБСТАНОВКИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ ТВД ПОЛАГАЛ БЫ ПРОСИТЬ ВАШЕГО РАЗРЕШЕНИЯ НА ПЕРЕБРОСКУ ЧАСТИ ВАШИХ СИЛ, ВКЛЮЧАЯ ВСЕ СУХОПУТНЫЕ ВОЙСКА, В РАЙОН БАЛТИЙСКОГО МОРЯ. ВЫ И ПОЛКОВНИК БЕРЕЖНОЙ ТОЖЕ НУЖНЫ ЗДЕСЬ. НЕОБХОДИМО СТРОИТЬ НОВЫЙ ФЛОТ И СОЗДАВАТЬ НОВУЮ АРМИЮ. РАБОТЫ ОЧЕНЬ МНОГО. ВАШЕ МНЕНИЕ?

21:26 (ФУЗАН) ТЕОРЕТИЧЕСКИ ПЕРЕБРОСКА СИЛ ВОЗМОЖНА. НЕОБХОДИМО ОБЕСПЕЧИТЬ СНАБЖЕНИЕ НЕФТЬЮ ПО МАРШРУТУ. СЕТЬ НЕФТЯНЫХ СТАНЦИЙ В МИРЕ ЕЩЕ ОТСУТСТВУЕТ. БЛИЖАЙШАЯ НЕФТЬ ЕСТЬ НА СУМАТРЕ. АНГЛО-ГОЛЛАНДСКАЯ НЕФТЯНАЯ КОМПАНИЯ РОЯЛ ДАТЧ ШЕЛЛ. ВОПРОС ТРЕБУЕТСЯ РЕШАТЬ ЧЕРЕЗ НЕМЦЕВ. ДЕТЕРИНГ ИДЕЙНЫЙ РУСОФОБ, И РУССКИМ НЕФТЬ МОЖЕТ НЕ ПРОДАТЬ. ПРИ НАЛИЧИИ ЗАПРАВКИ НА СУМАТРЕ ВОЗМОЖЕН ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ СУЭЦ В СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ, С ЗАГРУЗКОЙ ТАНКЕРОВ СНАБЖЕНИЯ В БАТУМЕ.

21:32 (СПБ) С КУЗЕНОМ ВИЛЛИ ВОПРОС ЗАПРАВКИ НА СУМАТРЕ Я РЕШУ. КАКИЕ КОРАБЛИ СЧИТАЕТЕ ВОЗМОЖНЫМ ПЕРЕБРОСИТЬ НА БАЛТИКУ? КРОМЕ ТОГО, МАКАРОВ НАСТАИВАЕТ НА ВОЗВРАЩЕНИИ ЦЕСАРЕВИЧА, ОДНОТИПНОГО С ЭБР ТИПА АЛЕК-

САНДР ТРЕТИЙ. ХОЧЕТ СОСТАВИТЬ ПОЛНУЮ ОДНО-
РОДНУЮ ДИВИЗИЮ ИЗ ШЕСТИ ВЫМПЕЛОВ. ВАШЕ
МНЕНИЕ?

21:42 (ФУЗАН) РЕШЕНИЕ МАКАРОВА СЧИТАЮ
ПРАВИЛЬНЫМ. ПРИ НАЛИЧИИ ЗАПРАВКИ ИЗ СО-
СТАВА МОЕЙ ЭСКАДРЫ СЧИТАЮ ВОЗМОЖНЫМ ПЕ-
РЕБРОСИТЬ СЛЕДУЮЩИЙ КОРАБЕЛЬНЫЙ СОСТАВ:
ФЛАГМАН РК МОСКВА, ЭМ АДМИРАЛ УШАКОВ, СКР
ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ, ВСЕ ДЕСАНТНЫЕ И УЧЕБНЫЕ
КОРАБЛИ, ПЛАВГОСПИТАЛЬ, ТРАНСПОРТ КОЛХИ-
ДА, ТАНКЕРЫ ИВАН БУБНОВ И ЛЕНА, СБС АЛТАЙ.
ПОЛНЫЙ ПЛАН-ГРАФИК ОПЕРАЦИИ ДОЛОЖУ ЧЕРЕЗ
СУТКИ.

21:46 (СПБ) ХОРОШО, ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. У ВАС
ВСЕ?

21:48 (ФУЗАН) ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ВАМ ИЗВЕСТ-
НО ОБ УХОДЕ БРИТАНСКОЙ ЭСКАДРЫ АДМИРАЛА
НОЭЛЯ ИЗ ВЭЙХАВЕЯ?

21:51 (СПБ) ЕЩЕ НЕТ.

21:55 (ФУЗАН) ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ПО ТОЛЬКО
ЧТО ПОЛУЧЕННЫМ НАШЕЙ РАЗВЕДКОЙ ДАННЫМ,
БРИТАНЦЫ СВОРАЧИВАЮТ БАЗУ И ГРУЗЯТ ИМУЩЕ-
СТВО НА ТРАНСПОРТНЫЕ КОРАБЛИ. ОФИЦИАЛЬНО
ЗАЯВЛЕНО О ПЕРЕДИСЛОКАЦИИ В ГОНКОНГ.

21:59 (СПБ) ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЭТО ПЛОХО?

22:05 (ФУЗАН) У НАШЕЙ РАЗВЕДКИ ЕСТЬ СВЕДЕ-

НИЯ, ЧТО НАСТОЯЩЕЙ ЦЕЛЬЮ ЭСКАДРЫ ЯВЛЯЕТСЯ ЗАХВАТ ОСТРОВА ФОРМОЗА ДО ПЕРЕДАЧИ ЕГО ГЕРМАНСКОЙ СТОРОНЕ ПО ПРЕЛАМИНАРНОМУ ДОГОВОРУ С ЯПОНИЕЙ. КАЖЕТСЯ, ЭТО ПЛАНИРУЕТСЯ НАЗВАТЬ ВЗЯТИЕМ В ЗАЛОГ. ОПЕРАЦИЯ ВОЗМОЖНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ АПРЕЛЯ.

22:12 (СПБ) СПАСИБО, ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ, ДЛЯ МЕНЯ ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НОВОСТЬ. Я ПРОКОНСУЛЬТИРУЮСЬ С КУЗЕНОМ ВИЛЛИ И СООБЩУ ВАМ РЕЗУЛЬТАТ. ДО СВИДАНЬЯ. КОНЕЦ СВЯЗИ.

22:15 (ФУЗАН) ДО СВИДАНЬЯ, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, КОНЕЦ СВЯЗИ.

В полной тишине оператор на жужжащем матричном принтере распечатал листок диалогом сеанса связи, и мы с императором вышли в сырую весеннюю питерскую ночь, обалдев сего числа. Не было ни гроша – и вдруг появляется алтын, да не один.

**09 апреля (27 марта) 1904 года. Утро.
Санкт-Петербург. Зимний дворец.
Собор Спаса Нерукотворного образа**

Принцесса Масако и епископ Николай

В Великую Субботу, едва закончилась служба и Плащаница была возложена на алтарь, в храм пришла принцесса Масако. Здесь ее уже ждал епископ Николай, участвовавший в богослужении. Вскоре дочери японского императора предстояло принять Таинство Крещения, и она старалась понять, в чем заключается суть нового для нее учения и чем оно отличается от учения Синто, которого придерживались ее предки.

Масако нравился храм русских, в котором они молились. Он был весь изукрашен золотом, на стенах висели иконы с ликами святых и Бога, а с потолка свисала люстра с множеством свечей. Еще ей нравился хор, который пел на плохо еще понятном для Масако языке, но очень красиво и торжественно. Казалось, что вместе с голосами певчих душа улетает куда-то высоко-высоко...

Отец Николай, рассказывавший принцессе о новом для нее учении, уже имел опыт проповеди христианства среди

японцев. В свое время ему удалось обратить в Православие служителя Синто Такума Савабэ, бывшего самурая-рони́на, который с катаной в руках пришел в дом к отцу Николаю, чтобы его убить. Но после беседы со священником он заинтересовался христианским учением и крестился. Такума Савабэ стал Павлом Савабэ, а позднее был рукоположен отцом Николаем и стал первым японцем – православным священником.

А ведь, в отличие от Такума Савабэ, который был человеком, много повидавшим на свете и служившем жрецом в храме Синто, принцесса Масако была дева юная, с душой чистой и безгрешной. И она, как губка, впитывала в себя учение Христа.

Епископ Николай видел, что девушка искренне старается постичь суть христианства, учит молитвы, читает Евангелие, которое еще много лет назад он перевел на японский язык. И душа пастыря радовалась: брошенные им семена попали на плодородную почву.

Сегодня он решил рассказать Масако не только о грядущем празднике Пасхи, но и о том, в какой стране ей предстоит жить, любить, быть любимой и растить детей.

– Смотри, дочь моя, – сказал он, – вот это – крест, которым митрополит Филарет благословил на царствие сына своего, первого русского самодержца из Романовых Михаила Федоровича. Твой будущий муж тоже Михаил. И мы все надеемся, что при его правлении наконец закончится смута

в стране и в душах всех русских людей. И ты, став его женой, должна помогать мужу. Ибо, как говорится в Послании апостола Павла ефесянам: *«Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть...»* Это значит, что все у вас будет едино – и дела, и мысли, и жизнь, и смерть. Тебе это понятно, дочь моя?

Масако согласно кивнула головой. Она вспомнила то, что было написано в одном из древних манускриптов периода Токугавы: *«Женщинам лучше всего не иметь образования, ибо удел их жизни – беспрекословное повиновение... повиновение отцу до замужества, повиновение мужу после свадьбы и повиновение сыну после смерти мужа... Однако ей необходимо дать хорошее нравственное воспитание, дабы она была целомудренной и мягкой, не давала бы волю страсти, причиняя тем самым неудобства другим, и не подвергала бы сомнению авторитет старших. Ей не нужна и религия, ибо единственным божеством для нее является муж. Служить ему и беспрекословно подчиняться ему – вот ее долг».*

Принцесса процитировала по памяти это поучение. Епископ Николай покачал головой.

– Неправильно это, дочь моя. Не может смертный человек быть для кого-то богом. Мужа надо любить, но и ему следует любить жену свою. Вот что говорится в Послании апостола Петра: *«Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием*

жен своих без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие. Также и вы, мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни, дабы не было вам препятствия в молитвах». Запомни, дочь моя: наш Господь добр и милосерден. Даже тех, кто перед казнью бранил Его и глумился над Ним, он простил, говоря: *«Отче! Отпусти им, ибо не ведают что творят».*

– Но как же можно прощать врагов? – удивилась Масако. – Да и воины моего будущего мужа с врагами своими поступали не так, как говорил Господь.

– Дочь моя, – с горечью сказал епископ Николай, – мир несовершенен, люди грешны, и не всегда им удастся поступать, как учил наш Господь. Да, порой воины православные вынуждены убивать своих врагов. Но они поступают так, чтобы спасти свои жизни и жизни близких им людей. Ведь воины, которые, как архангел Гавриил с огненным мечом в руках, обрушились на корабли и войско твоего отца, сделали это для того, чтобы спасти своих братьев по крови и по вере. Ведь Япония напала на Россию, а не наоборот. А мы помним слова из Евангелия от Иоанна: *«Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя»...*

– Да, я помню, что говорил мой отец, – печально сказала Масако. – Дурные люди давали ему дурные советы. И вышло все дурно. Правда, они ответили уже за то, что совершили. Чтобы не испытывать стыд за то, что они огорчили своего

императора, они сами ушли из жизни. Но, как я уже знаю, тем самым они совершили страшный грех.

– Да, дочь моя, – сурово сказал епископ Николай, – самоубийство – страшный грех. Тот, кто сам наложит на себя руки, возмущается против божественного порядка и своего назначения в нашем мире, произвольно прекращает свою жизнь, которая принадлежит не ему только, но и Богу. Самоубийца отрекается от всех лежащих на нем обязанностей и является в загробный мир непризванным. Жизнь каждого человека есть драгоценный дар Божий – следовательно, кто самовольно лишает себя жизни, тот кощунственно отвергает этот дар. Налагающий на себя руки вдвойне оскорбляет Бога: и как Творца, и как Искупителя. Такое деяние может быть только плодом полного неверия, отчаяния и безумия. Церковь смотрит на сознательного самоубийцу, как на духовного потомка Иуды предателя, который отрекшись от Бога и, Богом отверженный, «пошел и удавился». Самоубийца лишается церковного погребения и поминовения.

– Да, – задумчиво сказала Масако, – у христиан все совсем по-другому. Но я стану настоящей христианкой и буду следовать всем заповедям Господа. Ибо я уже полюбила вашу страну, ваш народ, а самое главное, моего будущего мужа. Как послушная дочь, я последовала по приказу своего божественного отца в чужую для меня страну. Я даже плакала тайком по ночам, скучая по своим родителям и по своей Родине. Но я увидела, что ваши люди, такие страшные

в бою, в обычной жизни добры и милосердны. И я успокоилась. Самым большим для меня утешением станет то, что ни подданные моего отца, ни подданные моего будущего мужа никогда больше не будут воевать и убивать друг друга. Я помню заповедь Господа: *«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими»*. И если в том, что между Японией и Россией будет царить мир, будет и моя маленькая заслуга; я буду счастлива и я буду считать, что жизнь моя прожита не зря.

– Дочь моя, – сказал растроганно епископ Николай, – я вижу, что ты поняла самое главное в нашем учении. Ты готова делать добро, любить людей как самое себя. И это важнее всего. Я понял, что ты уже готова принять Таинство Крещения. Спаси тебя Господь!

Принцесса Масако склонила голову перед старым седым епископом. А тот, сложив пальцы щепотью, перекрестил ее. А потом по-отечески погладил девушку по голове, покрытой платком. На душе у отца Николая стал радостно: Церковь Православная скоро примет в свое лоно новую, чистую душой дочь.

**09 апреля (27 марта) 1904 года. Полдень.
Санкт-Петербург. «Новая Голландия». Главное
Управление Государственной Безопасности**

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич

Совещание по вопросам экономики Михаил Александрович решил провести именно у нас, в «Новой Голландии». Спокойно, без посторонних ушей, а следовательно, безопасно. Ведь вопросы, о которых я хотел поговорить сегодня с императором, имели фундаментальное значение. Типа «как обустроить Россию». Я, конечно, не экономист, но к беседе подготовился капитально, взяв за основу своих предложений план, которым в свое время руководствовался наш общий знакомый Сосо.

Но самого Сосо я приглашать на совещание не стал. С ним будет позднее разговор особый. А вот Владимиру Ильичу приглашение отправил. Ему будет полезно послушать нашу с Михаилом беседу, тем более что кое-что, относящееся к рабочему законодательству, ему в дальнейшем пригодится.

– Итак, – начал я, когда император и несостоявшийся «вождь пролетариата» расселись вокруг небольшого круглого стола, – разговор сегодня пойдет о такой довольно скуч-

ной вещи, как экономика. Давайте вспомним этимологию. «Экономика» – от греческого слова «экос» – дом и «номос» – закон, положение. Фактически – наука о ведении домашнего хозяйства. А посему, если мы считаем Россию нашим общим домом, то должны точно знать, как мы должны в нем вести хозяйство.

– Говорите, Александр Васильевич, – сказал Михаил, – я внимательно вас слушаю. Сознаюсь, что до самого последнего времени я мало задумывался о том, откуда что берется.

– Всем понятно, что страна нуждается в ускоренном развитии, – продолжил я. – Понятно, что надо строить новые заводы и фабрики, выпускать продукцию, которую сейчас Россия вынуждена закупать за рубежом. Но чтобы обеспечить новые заводы и фабрики сырьем, необходимо связать их с помощью транспортных коммуникаций с крупными городами и с местами добычи полезных ископаемых. Итак, отметим – надо строить дороги. Как железные, так и обычные. Вспомните: Римская империя в течение веков существовала, будучи связанной со своими окраинами с помощью прекрасных дорог. Ими, кстати, до сих пор пользуются европейцы. Нашей стране, с ее огромными размерами, необходимы тысячи километров дорог. Не стоит забывать, что строительство железных дорог, в свою очередь, дает толчок к развитию как тех территорий, через которые они проходят, так и металлургической, строительной и прочей промышленности. Станции, особенно узловые, со временем превратятся в

промышленные центры со своими заводами, мастерскими, учебными заведениями. Во время освоения так называемого Дикого Запада в Америке именно станции железных дорог, зачастую построенные прямо в прерии, становились ядром новых городов. Ибо там, где есть транспорт, есть жизнь. Не стоит забывать и о естественных транспортных коммуникациях, которыми русские люди пользовались на протяжении сотен лет. Я имею в виду реки. У них есть недостаток – они могут использоваться лишь в ту пору, когда свободны ото льда. В остальное время реки могут служить в качестве «зимников» – дорог, проложенных по льду. Отсюда еще одна насущная задача – строительство каналов, соединяющих с помощью речных коммуникаций Балтийское, Черное, Каспийское и Белое море. Программа строительства внутренних водных коммуникаций потребует больших сил, немалых средств, но они довольно быстро окупятся за счет ускорения оборота товаров. Про развитие русского Севера и Дальнего Востока я хотел бы поговорить с вами отдельно, и не сейчас. Для этого разговора необходимо пригласить на встречу Дмитрия Ивановича Менделеева и Степана Осиповича Макарова.

– Хорошо, Александр Васильевич, – кивнул Михаил, делая пометку в лежащем перед ним блокноте. – Когда мы можем это организовать?

– Думаю, что это совещание можно будет провести на будущей неделе, – сказал я, – нам нужно некоторое время для

его подготовки.

– Договорились, – сказал Михаил, сделав еще пометку в блокноте, – мы выберем день и сообщим вам об этом дополнительно. Что у нас дальше?

– Вернемся к дорогам, Ваше величество, – сказал я. – Дороги в данном случае имеются в виду как железные, так и обычные шоссейные. Не забывайте, что скоро на трон взойдет Его Величество Автомобиль, что резко повысит важность шоссейных дорог. Строительство и тех, и других потребует создания предприятий по выпуску экскаваторов, путеукладчиков – словом, всех тех машин, с помощью которых можно быстро и качественно прокладывать новые транспортные магистрали. И еще – для новых железных дорог в большом количестве потребуются рельсы усиленного типа, ведь мы же знаем, что в ближайшее время резко возрастет мощь локомотивов, а значит, и вес составов. Впрочем, для узкоколеек, которые тоже предстоит строить, понадобятся рельсы старого типа. А рельсы – это новые металлургические предприятия, угольные и железорудные шахты. Вообще, черная металлургия – это фундамент экономики. Теперь вы видите, как все между собой взаимосвязано. Таким образом мы можем поэтапно осуществить индустриализацию России. Для этого необходим план развития страны на несколько лет вперед, а также государственный орган, который будет осуществлять планирование и наблюдать за выполнением этого плана. Все должно находиться под наблю-

дением этого органа (в нашей истории назывался Госпланом) и подчиняться он будет напрямую императору, то есть вам, Михаил Александрович.

– А почему мне? – удивился император. – Я же вам уже говорил, что мало разбираюсь в экономике.

– А потому именно вам, – сказал я, – что вы, Ваше величество, высшее должностное лицо государства. И выше вас никого нет. Следовательно, никто, кроме вас, в работу Госплана вмешаться не может, и с помощью своих властных полномочий никто не сможет добиться каких-либо выгодных для себя или своих креатур решений о строительстве того или иного завода или фабрики. Ну, а вы, если вам что будет непонятно, всегда сможете проконсультироваться с профессионалами, владеющими информацией по данному вопросу. И единолично принять правильное решение.

– Понятно, – тяжело вздохнул Михаил, – значит, опять мне быть крайним. Ну что ж, я уже привык к этому. «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха» – так, кажется, у Пушкина в его «Борисе Годунове»?

– Как написано в Евангелии от Луки: «...И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут», – с улыбкой сказал я. – Приходится жить по Заповедям Божьим. В России всегда все замыкается именно на первое лицо, как бы оно при этом ни называлось.

– Что ж, – сказал император, – похоже, что работать мне придется так, как работал мой прадед, Николай Павлович.

Но дезертировать я не собираюсь. Продолжайте, Александр Васильевич. Что у нас дальше?

– Дальше легче тоже не будет, – ответил я. – Теперь пришло время поговорить о том, кто же будет работать на этих новых заводах и фабриках. Вот тут-то у нас и возникает узкое место. На новых станках должны работать грамотные и хорошо обученные рабочие. Где их взять, если квалифицированных рабочих, по большому счету, не хватает для уже существующих предприятий? Заводчики сманивают рабочих друг у друга, иногда доходит до махровой уголовщины. – Я вздохнул. – Новых обученных рабочих взять пока нигде. Надо их учить. А это задача, которую за пару дней не решить. Необходимо создать сеть профессионально-технических училищ – сейчас они, если я не ошибаюсь, называются ремесленными училищами. Так ведь, Владимир Ильич?

Ленин кивнул своей лобастой головой.

– Именно так, Александр Васильевич, – сказал он, – но для обучения в этих училищах нужны люди, которые были бы просто грамотными. А вот с этим у нас обстоит не совсем благополучно. То есть совсем неблагополучно.

– Да, – сказал я, – сначала людей необходимо будет элементарно научить считать, писать и читать, а потом уже обучать их работе на новейших станках. Хотите пример? Когда началась Первая мировая война, в русскую армию пришло шестьдесят процентов неграмотных новобранцев, а в германскую армию – только ноль целых, восемь десятых про-

цента. А это случилось в нашем прошлом в тысяча четырнадцатом году. Сейчас картина наверняка еще хуже. Процесс полной ликвидации безграмотности должен на несколько лет упреждать массовую индустриализацию. Кстати, та же проблема будет касаться и инженерно-технического состава. Поэтому после ликвидации безграмотности и наращивания числа ремесленных училищ предстоит точно так же увеличить число высших технических учебных заведений.

Я сделал паузу, перевел дух и, глядя на императора, спросил:

– Ну что, Михаил Александрович, говорить дальше?

Император, успевший исчерпать своими пометками уже с десяток листков блокнота, только обреченно махнул рукой: дескать, давайте, чего уж там...

– Итак, – продолжил я, – мы уже отметили, что необходимы индустриализация и борьба с неграмотностью населения. Назовем ее «культурной революцией». Конечно, многим не понравится, что люди, на которых они смотрели до этого сверху вниз, станут грамотными и получают шанс на то, чтобы, если не они, то уж их дети могли выбиться в люди. Но то, что в наше время называется «социальным лифтом», крайне необходимо. Если бы вы знали, сколько талантливых людей из народа не могут получить возможность принести пользу обществу только из-за того, что они элементарно неграмотны!

– Очень верно замечено, Александр Васильевич! – вос-

кликнул Ленин. – Ведь родители моего покойного батюшки были выходцы из мещан, а их родители – так те вообще из крепостных. А отец дослужился до чина действительного статского советника и получил потомственное дворянство. Именно потому он всю жизнь добивался, чтобы в Симбирской губернии, где он был Директором народных училищ, строились новые школы, в которых могли бы учиться дети из низших слоев общества.

– Вот как? – удивился Михаил. – А я и не знал об этом. Действительно, наш народ богат талантами. Пожалуй, правильно говорил светлейший князь Потемкин: «Деньги – ничто, люди – все!»

– И он был прав, – сказал я. – Люди – самое большое наше богатство. Только мы часто легкомысленно относимся к их сбережению. Я имею в виду то, что господа фабриканты и заводчики не берегут жизнь и здоровье своих наемных рабочих. И трудовое законодательство, которое должно защищать права тех, кто стоит у станка, кто трудом своим добывает хлеб насущный, часто не исполняется владельцами предприятий.

– Да, уж, – буркнул Ильич, – эти господа с тугой мошной считают, что им закон не писан. Да и чего им стесняться, если по любому поводу можно вызвать полицию или казаков.

– Владимир Ильич, – сказал я, – вы прекрасно знаете, о чем речь, и я не буду рассказывать вам о наиболее вопиющих случаях произвола господ предпринимателей. Скажу только,

что все это тема для отдельного разговора.

– Полностью согласен с вами, Александр Васильевич, – кивнул мне Михаил, – только давайте тему прав рабочих вынесем на отдельное совещание и пригласим на него министра внутренних дел Вячеслава Константиновича Плеве. Там и поговорим предметно обо всех безобразиях и о том, как их пресекать. Что у нас дальше, господа?

– Давайте вернемся к теме индустриализации, Ваше Величество, – сказал я. – Поговорим о том, без чего в двадцатом веке не может быть никакой индустрии, то есть о производстве электричества в промышленных масштабах, или об электрификации. Если вы не против, я поясню, о чем, собственно, речь.

Михаил, внимательно слушавший меня, лишь молча кивнул.

– Итак, – начал я, – напомним вам, что еще в 1879 году в Петербурге была построена тепловая электрическая станция, или ТЭС, предназначенная для освещения Литейного моста. Другая подобная станция была построена несколькими годами позже в Москве для освещения Лубянского пассажа. Электростанции в России строились, электричество все чаще и чаще освещало города, но все они большей частью принадлежали иностранному капиталу. Крупнейшее акционерное «Общество электрического освещения 1886» контролировалось немецкой фирмой «Сименс и Гальске», строившей тепловые станции в Петербурге, Москве, Баку, Лодзи

и других городах Империи. Суммарная мощность всех электростанций в России на 1900 год составляла примерно 80 мегаватт.

– Это много или мало, Александр Васильевич? – заинтересованно спросил Михаил, делая пометку в блокноте.

– Это как посмотреть, – ответил я. – В сравнении с общемировыми показателями – вполне удовлетворительно: Россия находится где-то в первом десятке стран по количеству производимой электроэнергии. А для планируемой нами индустриализации этого ужасно мало. К тому же все наши электростанции – в Москве, Санкт-Петербурге, Баку – имеют ограниченное (от одного до нескольких десятков) число потребителей, и энергетически не связаны между собой. Мало того, значения величин их напряжения, силы тока и частоты имели колоссальный разброс, поскольку при разработке этих станций не существует никакой единой системы стандартов. Нас же интересует создание в Российской Империи единой энергетической системы, где обильные энергией регионы, например, Сибирь, могли бы делиться электричеством с густонаселенными и промышленно развитыми центральными губерниями.

– Действительно, – сказал Михаил, – чем забивать железные дороги бесконечными составами угля и дров, проще выработать электричество и передать его потребителю по проводам. В таких условиях единая электрическая сеть выглядит вполне разумной.

– Да, именно так, – сказал я и добавил, посмотрев на слушавшего меня затаив дыхание Ленина: – Кстати, Ваше величество, ведь именно присутствующий здесь Владимир Ильич ранее уже всерьез задумывался об этой проблеме. Три года назад он писал: «...в настоящее время, когда возможна передача электрической энергии на расстояния... нет ровно никаких технических препятствий тому, чтобы сокровищами науки и искусства, веками скопленными, пользовалось все население, размещенное более или менее равномерно по всей стране...». Правда, вопрос об использовании электроэнергии в промышленности им пока не поднимался. Но в нашем прошлом именно по его инициативе был разработан стратегический план электрификации России, который получил название ГОЭЛРО – Государственный план электрификации России. И что самое главное – этот план был выполнен! Чуть позже я познакомлю вас, Ваше величество, с этим документом. Думаю, что его можно будет принять за основу, лишь немного уточнив конкретные детали.

– Хорошо, – сказал Михаил. – Хорошо то, что у нас имеется такой план. Это несомненная удача. Повторить один раз уже ранее успешно выполненное мы сможем.

– Не только повторить, – сказал я. – В тот раз прошедшая революцию Россия фактически находилась в международной блокаде. Закупки промышленного оборудования были затруднены, и доставлялось оно в Россию окольными путями. Сейчас же, когда Германия наш лучший друг и еще

десять-пятнадцать лет будет заинтересована в этой дружбе, наши начальные условия выглядят куда предпочтительней, и процессы индустриализации и электрификации могут протекать куда быстрее. Кроме того, в настоящий момент Россия не потеряла десятки и сотни тысяч технических специалистов убитыми на фронтах, расстрелянными, умершими от голода и эмигрировавшими... Все теперь только в ваших руках, Ваше величество.

– Хорошо, – сказал Михаил, – я учту все сказанное вами, когда буду утверждать этот план. Что у нас дальше?

– Дальше я вкратце поясню, что даст электрификация Российской Империи, – сказал я. – Это, прежде всего, свет в населенных пунктах России. Вы даже не можете представить, что в той России, из которой мы прибыли в ваше время, даже кратковременное отключение электричества даже в небольшом населенном пункте рассматривается как настоящее стихийное бедствие. Я не говорю уже о том, что у нас с помощью электричества движется значительная часть общественного транспорта. Чем больше живет людей в городах, тем острее стоит перед градоначальством транспортная проблема. Электрический же транспорт малозумный, не загрязняет воздух, да и к тому же экономичен. Кстати, в России уже существуют и широко используются электрические конки, или, как они еще называются, трамваи. То, что этот транспорт сейчас бурно развивается во всех крупнейших городах мира, говорит о крайней полезности и эффективности

этого изобретения.

Я перевел дух и продолжил:

– А самое главное, Ваше величество, заключается в том, что на заводах и фабриках станки начнут вращаться не громоздкими ременными передачами от валов паровых машин, а с помощью компактных электромоторов. Значительно возрастет производительность труда, меньше будет несчастных случаев, когда рабочих затягивало во вращающиеся шкивы и калечило, а то и убивало. Также массовая электрификация подстегнет и развитие машиностроения, отрасли критически важной для оборонной промышленности. Ведь, начав работу на импортном оборудовании, мы будем постепенно сворачивать закупку электромоторов и прочего электротехнического продукции за границей и начнем все нужное нам производить в России. Этот процесс в наше время назывался повышением уровня локализации, и он должен привести к появлению в России новой отрасли экономики – электротехнической промышленности!

Я внимательно посмотрел на сидящих напротив меня императора Михаила и Ильича. Если для Михаила, который уловил суть разговора, эта информация стала руководством к действию и он что-то лихорадочно строчил в своем блокноте, то Ильич, похоже, напротив, полностью выпал из реальности. Он вдохновенно закатил глаза, словно представлял себе эти новые фабрики, улицы городов, залитые ярким электрическим светом, экипажи, приводимые в движение

электромоторами... Все же господин Ульянов у нас чистый теоретик и типичнейший гуманитарий. Фразы типа «Сколько вешать в граммах?» приводят его в состояние настоящего ступора.

«Да, – подумал я, – очевидно, зерно упало на хорошо вспаханную почву. Надо будет потом назвать Михаилу фамилии тех, кто занимался в России строительство электростанций. А пока на моих слушателей стоит вылить ушат холодной воды».

– Однако, – сказал я вслух, – возникает один, но весьма важный вопрос: а на какие средства все это создавать? Новые фабрики и заводы, железные дороги, школы – словом, все то, о чем мы только что говорили. Я имею в виду то, что называют узким местом всех широких натур – финансы. Тем более что они нужны не через год или два, а сейчас и много.

– Да, действительно, откуда? – задумчиво сказал Михаил. – Где взять на это на все деньги?

– К иностранным займам надо подходить осторожно, – ответил я, – вы уже знаете, чем это может закончиться. Мы ведь еще не выбрались из французской кредитной кабалы. Впрочем, про эти займы разговор особый. Но займы брать все же придется. Но уже не у Франции, а у Германии. И под приемлемые для нас проценты. И займы эти не должны быть связанными. То есть они должны быть без каких-либо условий, которые до этого ставили нам заимодавцы. Мы сами решим, на что их потратить. Было бы неплохо, чтобы мы рас-

плачивались с кредиторами не золотом, а произведенными у нас товарами. – Я хитро улыбнулся. – Думаю, в самое ближайшее время те же германцы будут с радостью покупать у нас многое из того, что начнут производить наши заводы по технологиям, полученным от нас, людей из будущего. Но об этом будет отдельный разговор. Надо создавать у нас новые банки, которые будут кредитовать строительство заводов и фабрик. Кстати, новые предприятия мы хотим сразу же создавать как предприятия с акционерным капиталом. Причем контрольный пакет акций будет в руках государства. Продажа прочих акций даст необходимые средства для строительства и развития этих предприятий. Новые заводы и фабрики на первое время получают налоговые льготы, а также стабильные государственные заказы. Хорошие условия труда и высокие заработки, а так же то, что у нас называют «социальным пакетом» – все это привлечет на эти предприятия квалифицированных и добросовестных работников. Они будут заинтересованы в стабильной работе своих предприятий и высоком качестве выпускаемой на нем продукции, которая будет недорогой и высокого качества, а следовательно, конкурентоспособной.

– И еще, – я с улыбкой посмотрел на Михаила, который уже исписал один блокнот и взялся за второй. – Необходимо выпустить облигации внутреннего займа. Чтобы они хорошо раскупались, надо, помимо процентов по этим облигациям, проводить розыгрыши типа лотереи. В свое время у нас, по-

сле страшной войны с германцами, такие облигации позволили восстановить разрушенные заводы и фабрики. Правда, распространялись они принудительно. Мы же будем продавать их без принуждения; люди быстро почувствуют выгоду от их приобретения. Ну и наконец, надо инициировать развитие народных кредитных учреждений, артелей и кооперации. Это, прежде всего, льготное кредитование и освобождение на первое время от налогов. Мелкие и средние предприниматели – это сотни тысяч подданных Российской империи, производящих товары, называвшиеся в нашем будущем «товарами народного потребления», сотни тысяч рабочих мест, где люди могли бы зарабатывать себе деньги на сытую и достойную жизнь.

– Да, Александр Васильевич, – сказал Михаил, закрывая блокнот, – может быть, на сегодня хватит? Я вижу, что тема эта настолько обширная, что о ней можно говорить бесконечно. Я думаю, что все сказанное сегодня надо обобщить и использовать как руководство к действию для моих министров.

Император посмотрел на Ильича, и кивнул.

– Прошу и вас, господин Ульянов, тоже принять участие в работе над нашими планами на будущее. Тем более что многое прямо касается вас, как главы будущего министерства труда, которое вам надлежит создать в самое ближайшее время. Как говорит Александр Васильевич, все в мире взаимосвязано. На этом все, господа, до свиданья.

**10 апреля (28 марта) 1904. Отчет в
«Санкт-Петербургских ведомостях»
о пасхальном Богослужении в
дворцовом храме Спаса Нерукотворного**

Задолго до полуночи в Храме собрались члены царской фамилии. Присутствовал сам Государь, вдовствующая императрица Мария Федоровна, его сестра Ксения с детьми и со своим мужем, Великим князем Александром Михайловичем.

Учитывая печальные события, произошедшие совсем недавно, и злодейское убийство императора Николая Александровича, число лиц, приглашенных на пасхальное Богослужение, было небольшим: только самые близкие из числа придворных, а также несколько новых лиц, которые появились в окружении Государя. Это – господин Тамбовцев, который, по слухам, имел отношение к новой охранной службе, мадам Антонова, сыгравшая большую роль в подавлении мятежа гвардейских офицеров, и мадемуазель Ирина, входящая в дом семейства Великой княгини Ксении и Великого князя Александра Михайловича.

У входа в храм скромно стояла будущая невеста Государя принцесса Масако. Она еще не приняла Таинства Крещения, и находилась там, где положено было находиться огла-

шенным. Рядом с ней находился ее законоучитель епископ Николай.

Службу в дворцовом храме служил духовник императорской фамилии протопресвитер отец Иоанн Янышев.

Священнослужители уже облачились в светлые, праздничные одежды. Все присутствующие на богослужении с нетерпением ожидали наступающего Пасхального Торжества.

И вот началось... Священнослужители с крестом, светильниками и фимиамом вышли из алтаря и вместе с присутствующими запели стихиру:

"Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить". В это время с колокольни Храма, как с небес, раздался радостный пасхальный трезвон колоколов. Молящиеся с зажженными свечами вышли из Храма и совершили крестный ход вокруг него, выражая радость по случаю светлого праздника Пасхи. Перед самой полночью торжественный благовест возвестил о наступлении великой минуты Светоносного Праздника Воскресения Христова. Христос победил смерть. За трагедией смерти последовал триумф жизни. После Своего воскресения Господь всех приветствовали словом: *«Радуйтесь!»*. Смерти больше нет. Эту радость апостолы возвестили всему миру. Эту радость они назвали *«Евангелием»* – благой вестью о воскресении Господа Нашего Иисуса Христа. Эта же радость

переполняет сердца православных людей, когда они слышат: «*Христос Воскресе!*», и она же отзывается в них главными словами его жизни: «*Воистину воскрес Христос!*»

Шествие в конце концов остановилось у затворенных западных врат дворцового Храма – как бы у дверей гроба Христова. Колокола в этот момент замолкают.

И здесь священник, отец Иоанн, подобно ангелу, возвестившему о воскресении Христовом, возгласил Пасхальный канон преподобного Иоанна Дамаскина: "*Христос воскрес из мертвых, смерть смертью поправ и сущим во гробех живот даровав*".

Это возглашение троекратно повторяется священнослужителями и церковным хором.

Далее священник читает пророчество Царя Давида: "*Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...*", а хор отвечает: "*Христос воскрес из мертвых...*"

После этого отец Иоанн, с крестом и трехсвечником в руках, начертывает знамение креста против затворенных дверей храма. Двери храма отворяются, и все присутствующие на Богослужении входят в церковь, залитую светом свечей и лампад, где радостно принимаются восклицать: "*Христос воскрес из мертвых!..*"

Под конец Пасхальной Заутрени протопресвитер прочитал Слово Иоанна Златоуста, а после службы все подошли к нему для того, чтобы поцеловать крест и христосуются с

ним.

Пасхальная служба продолжается. После Заутрени служится Светлая Пасхальная Литургия. Длится она часа два, и во время служения читают Евангелие.

Радостно видеть улыбки на лицах присутствующих в Храме. У многих в глазах стоят слезы умиления. Даже принцесса Масако, которая с началом Литургии Верных покидает Храм, счастлива. Похоже, что эту будущую дочь Православной Церкви и будущую супругу Государя нашего воодушевила красота Богослужения. Скоро она примет Крещение и сочетается с нашим Государем. Пусть она будет счастлива с ним, и дай им Господь долгую и полную радостей жизнь.

После Причастия все выходят из Храма, и отправляются во внутренние дворцовые покои, чтобы разговеться и продолжить отмечать Светлый праздник Пасхи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.